

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Впервые на русском

Йон
Колфер

Замаранные

DETECTED. Тайна, покорившая мир

Йон Колфер
Замаранные

«ЭКСМО»

2010

УДК 821.111-312.4(417)
ББК 84(4Ирл)-44

Колфер Й.

Замаранные / Й. Колфер — «Эксмо»,
2010 — (DETECTED. Тайна, покоровшая мир)

Читайте детектив-событие от автора всемирно известной серии романов об Артемисе Фауле! Дэниел Макэвой – простой парень из Ирландии, досыта хлебнувший лиха на войне в Ливане. Уволившись с военной службы, в поисках спокойной жизни он перебрался в Америку. Там Дэниел устроился вышибалой в небольшом казино в штате Нью-Джерси; работенка непыльная, а платят прилично. Но таким парням, как он, покой заказан – вечно они притягивают к себе всякие неприятности. И когда в двух шагах от казино убили девушку Дэниела, а одновременно с этим бесследно исчез его лучший друг, ирландец понял, что с судьбой не поспоришь. Забыв о тихой жизни, он немедленно начал поиски убийц и похитителей – и тут же угодил в чудовищный ураган событий, совершенно не зависящих от его воли. Теперь возмездие отошло для него на второй план; главное – просто выжить...

УДК 821.111-312.4(417)
ББК 84(4Ирл)-44

© Колфер Й., 2010
© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Йон Колфер

Замаранные

*Кену Брюэну, который заставил меня сделать это
И спасибо Диклэну Денни за его неоценимое внимание к деталям
этого романа*

Eoin Colfer
PLUGGED
© 2010 Eoin Colfer

© Гольдич В. А., Оганесова И. А., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке. «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Йон Колфер родился в Ирландии в семье учителей. Еще в детстве увлекся сочинительством. После окончания Дублинского университета работал учителем. Но после того, как в 2001 году вышла его первая книга из серии фэнтези-романов об Артемисе Фауле, полностью переключился на писательский труд. С тех пор каждый роман Колфера становился мировым бестселлером. Критики и читатели отмечают блестящий стиль автора и его неистощимую фантазию.

Я влюбился в этот голос. Я влюбился в эти темные улицы. И я влюбился во всю эту историю.

Харлан Кобен

Колфер... без потерь перенес свой блестящий стиль во взрослый жанр.

The Times

Новый роман Колфера написан в совершенно свежем, оригинальном стиле.

WashingtonPost

Автор блистает искрометным сюрреалистичным юмором...

Financial times

Колфер очень изобретателен, и у него прекрасное чувство ритма рассказа...

Guardian

Глава 1

Великий Стивен Кинг как-то написал: «Не стоит обращать внимание на пустяки», – и я довольно долго раздумывал над его словами, но в конце концов пришел к выводу, что не до конца с ним согласен. Я прекрасно понимаю, что он имел в виду: у всех нас достаточно проблем в жизни, чтобы переживать из-за мелочей, которые случаются с нами каждый день, но иногда именно мелочи помогают нам справиться с серьезными неприятностями. Взять, к примеру, меня; я был свидетелем и участником огромного количества самых разных жутких событий, которые привели бы большинство людей в сумасшедший дом, но я спасаюсь тем, что стараюсь о них не думать. Пусть себе варятся в собственном соку – таково мое кредо. А ты от этого будешь только здоровее, верно? Сосредоточься на обычных, в общем, ничего не значащих делах, чтобы не заикливаться на психологических травмах и ударах, выстроившихся в очередь, чтобы сбить тебя с ног и растоптать. Моя философия привела меня туда, где я сейчас нахожусь, но интуиция солдата подсказывает, что ситуация достигла решающей стадии.

На моей нынешней работе в Клойстерсе, штат Нью-Джерси, нет места глубокомысленным рассуждениям. В казино не принято разговаривать на философские темы и теоретизировать о природных явлениях. Как-то вечером я упомянул передачу по каналу «Национального географического общества», и Джейсон посмотрел на меня так, будто я нанес ему оскорбление, поэтому пришлось быстренько переключиться на более безопасный предмет разговора: у кого из наших официанток имплантаты. Их мы обсуждаем постоянно, так что, оказавшись на знакомой территории, Джейсон сделал пару глотков своего белкового коктейля и мгновенно успокоился. В общем, я напугал его даже больше, чем пьяница с пистолетом в руках. Джейсон – лучший швейцар из всех, с кем мне доводилось работать, редкое сочетание внушительных размеров и проворности; к тому же он явно гораздо сообразительнее, чем прикидывается. Иногда он забывается и вспоминает фильм Феллини, но тут же принимается замечать следы и привязывается к какому-нибудь новому посетителю, подошедшему к двери заведения. У Джейсона, как и у всех, имеются свои тайны. Однако он со мной ими не делится, и меня это вполне устраивает. Мы оба изображаем из себя тупиц, и оба подозреваем, что на самом деле все совсем не так. Должен признаться, ужасно утомительное занятие.

По большей части у нас с ним полно времени, чтобы поболтать возле дверей. До половины одиннадцатого или около того обычно бывает спокойно; как правило, в зале находятся несколько мелких игроков, которые не представляют никакого интереса. А вот когда закрывается большинство баров, посетители валом валят к нам. Владелец заведения Виктор, которого я подробно опишу позже, потому что он страшная задница, заслуживающая отдельной песни, и рассказ о нем нарушит плавное течение моего повествования... так вот, Вик желает, чтобы около входной двери стояли два человека. Впрочем, иногда одному действительно не справиться, особенно если за одним из столов возникает склока или потасовка. Тогда становится жарковато, особенно с мелкими игроками. Лично я виню Джо Песчи.

Так вот, обычно я работаю в ночную смену; правда, дневной смены как таковой не существует. Два или три раза в неделю мне выпадает двойная, но я не возражаю. Дома мне все равно нечем заняться, разве что делать отжимания и слушать сучку миссис Делано.

В тот день я пришел на работу ровно в восемь. День был будним, и я рассчитывал на спокойный вечер, когда можно жевать энергетические батончики, болтая с Джейсоном о пластической хирургии. Простые развлечения, представляющие собой счастье, которое я надеялся обрести в этой жизни.

Джейсон и я наблюдали по «Ю-тьюбу» за русским, разбрасывавшим гири, когда в моем наушнике раздался голос Марко. Мне пришлось попросить его пару раз повторить то, что он говорил, прежде чем я понял, о чем речь, и поспешил в игровой зал. Судя по всему, моя любимая официантка Конни наклонилась, чтобы поставить на стол коктейли, и какой-то тип лизнул ее в задницу. Придурок! Такое впечатление, что он не видел висевшую на стене медную табличку. Ясное дело, про то, что нельзя никого лизать, там не написано, просто говорится: *Прикасаться к официанткам запрещено*. Стандартное правило всех клубов. Некоторые девушки могут потрогать клиента в кабинке, но тот не имеет права распускать руки.

В тот момент, когда я пришел, Марко пытался не подпускать этого типа к Конни, главным образом ради его же собственной безопасности. Как-то раз я видел, как Конни врезала одному парню, члену футбольной команды колледжа, подносом, и его лицо отпечаталось на металле, точно в мультике.

– Ладно, ребята, – сказал я громоподобным голосом опытного вышибалы. – В дело вступает профессионал.

Мои слова вызвали радостные восклицания постоянных посетителей, которым хотелось немного повеселиться. Я схватил голову Марко, точно та превратилась в баскетбольный мяч, и подтолкнул его в сторону барной стойки, а затем навис над нарушителем порядка.

Лизун стоял, уперев руки в бока совсем как Питер Пэн, а на щеке у него пылали алые следы от пальцев Конни.

– Давайте-ка перейдем в заднюю комнату, – сказал я, пять секунд глядя ему прямо в глаза, – пока дело не зашло слишком далеко.

– Сучка меня ударила, – заявил тип и показал на Конни – видимо, на случай, если кто-то не понял, о какой сучке идет речь.

Его палец был испачкан соусом от крылышек «Баффало»,¹ а это, по какой-то необъяснимой причине, всегда жутко меня раздражало.

– У нас в задней части имеется комната, где можно взять тайм-аут, – сообщил я, стараясь не смотреть на коричневые следы у него под ногтями. Ну и времена пошли, что только творится с людьми? Когда ты ешь, держи рот закрытым и вытирай руки; неужели это такие сложные правила? – Мы обсудим ваши проблемы там.

Конни, которая внешне выглядела спокойной, пыталась сдерживать ярость и жевала никотиновую резинку так, будто это были яйца обидчика. Несмотря на взрывной характер, она не раздавала пощечины без причины. У нее было двое детей в детском саду в городке Кипарис,² и она не могла позволить себе потерять работу.

– Ладно, Дэн, забыли, – сказала она. – Тут парочка клиентов просто умирает от желания дать мне чаевые. Дело закрыто.

Лизун расхохотался, как будто его развеселило то, что она употребила полицейскую терминологию.

Я отвел его в комнату отдыха, которая напоминала кладовку; в углу на островке из картонной коробки торчали швабры, похожие на пальмы с дредами.³

– Ты в порядке? – спросил я у Конни, радуясь, что она не закурила; она бросила полгода назад и считала каждый день своей личной победой.

Она кивнула и села на потрепанный диван.

– Этот урод лизнул меня в задницу. У тебя есть салфетки, Дэниел?

¹ Жареные куриные крылышки в остром соусе.

² Небольшой город, расположенный в Южной Калифорнии, к юго-востоку от Лос-Анджелеса.

³ Дреды (дредлоки) – особая прическа, состоящая из спутанных (заплетенных) в локоны волос.

Я протянул ей тонкую упаковку. Если работаешь в Нью-Джерси в низкопробном казино вроде «Слотца», где можно подхватить все, что угодно, просто стоя у двери, необходимо всегда иметь при себе антисептические салфетки.

Я отвернулся, когда Конни принялась стирать соус барбекю. Не заметить ложбинку в том месте невозможно, но я уже научился не видеть того, что находится ниже, и потому не сводил глаз с ее талии; в этом случае все остаются довольны. Пока она приводила себя в порядок, я повернулся к Лизуну.

– И о чем вы только думали, сэр? Трогать официанток запрещено. Разве вы не умеете читать?

Я сразу понял, что этот тип собирается повыступить. Это было заметно по его рыжим волосам, которые торчали в разные стороны, будто на голову ему свалилось воронье гнездо.

– Я видел табличку, Дэниел, – заявил он и ткнул пальцем в сторону игрового зала. Похоже, этот парень настоящий мастер тыкать пальцами во все подряд. – Там написано «Не трогать».

– А вы что сделали? Вы как раз и трогали.

– Ничего подобного, – сказал он и наставил палец на меня, да так близко, что я уловил запах соуса и понял: он на целый месяц, не меньше, излечил меня от желания есть куриные крылышки в соусе. Только ребрышки. – Я ее не *трогал*. Трогают *руками*. А я *попробовал* на вкус.

Он на мгновение замолчал, как будто считал, что мне нужно время, чтобы осмыслить столь блестящий довод.

– Вы думаете, я не слышал подобного дурацкого дерьма раньше? Думаете, вы первый попытались это сделать?

– Я думаю, что я первый адвокат, который попытался это сделать.

Его лицо озарила хитрая довольная улыбка, а я этого терпеть не могу, наверное, потому что слишком часто вижу.

– Вы адвокат?

Он снова принялся тыкать пальцем в разные стороны, и у меня возникло сильное желание его сломать.

– Совершенно верно, черт тебя подери, я адвокат. И если ты попытаешься что-нибудь мне сделать, я закрою ваш гадюшник навсегда. Ты будешь работать на меня.

– Я буду работать на вас, сэр?

Я склонен иногда повторять то, что мне говорят. Кое-кто думает, это от глупости, но на самом деле я просто не могу поверить в то, что услышал.

Он тут же воспользовался представившейся возможностью.

– А ты что, попугай? Вонючий, умственно отсталый ирландский попугай? Господи Иисусе...

Видимо, в своем офисе он всегда так себя ведет. Вываливает на всех кучи дерьма, а они его кушают. Он там, наверное, босс или что-то в этом роде. Только боссу или почтальону до такой степени наплевать на то, как они выглядят в глазах других людей, что им все сходит с рук. Костюм и очки, которые вполне могли быть украдены у Майкла Кейна⁴ году так в 1972-м, и жесткое, словно пенопластовое кольцо рыжих волос относили Лизуна именно к этой категории.

– Нет, сэр, я не попугай, – ответил я ласково и спокойно, как меня учили в школе охранников. – Я глава службы безопасности, и суть в том, что вы дотронулись до официантки, какими бы словами вы ни прикрывали свои действия.

Мерзавец рассмеялся так, будто вокруг было полно зрителей.

⁴ Майкл Кейн (р. 1933) – знаменитый британский актер.

– Моя работа состоит в том, чтобы прикрывать словами разные вещи, мистер Дэниел, глава службы безопасности. Это мой траханый бизнес.

Он произнес слово «траханый» так, словно услышал его по телевизору и постарался запомнить, и оно прозвучало фальшиво из его адвокатских уст.

– Это ваш траханый бизнес? – переспросил я, но произнес сложное слово именно так, как требовалось, как я услышал его от румынского наемника, служившего в христианской милиции в Тибнине. Анхель и его парни почти каждый день на своем побитом «Фольксвагене» останавливались около нашего лагеря, чтобы выменять у нас молоко длительного хранения или макароны, которые мы, в свою очередь, добывали у французов. Мне Анхель нравился; он ни разу не стрелял именно в меня, его голова представляла собой одну сплошную бороду, а еще он классно выговаривал слово «траханый», выдыхая и множа звук «х».

Только одну упаковку, Пэдди? Я же даю тебе отличный траханый фен.

Звучало просто потрясающе. Иногда, если мне хочется произвести на кого-то впечатление, я произношу «траханый» на румынский манер. Довольно часто этого достаточно, чтобы смутить собеседника и сбить его с толку.

Только рыжая обезьяна на мое двойное «х» с придыханием вообще никак не отреагировала. Более того, он настолько остался к нему равнодушен, что совершил вторую ошибку за вечер и с важным видом шагнул ко мне, будто я не был выше его на восемь дюймов и тяжелее на пятьдесят фунтов.

– Что за попугайское дерьмо? – спросил он и, хотите верьте, хотите нет, постучал меня по лбу. – У тебя что, в голове опилки? Господи Иисусе!

Я удивился тому, что он сделал, и одновременно был счастлив, поскольку на сей раз придурок прикоснулся ко мне.

– Вам не следовало меня трогать, сэр, – грустно проговорил я. – Это уже нападение, и теперь я вынужден защищаться.

Мои слова несколько охладили его пыл. Будучи адвокатом, этот козел прекрасно знал законы о нападении и защите и понимал, что я имею полное право сделать ему больно, а потом заявить, что он мне угрожал. Я тут же изобразил испуганное лицо, чтобы показать ему, как оно будет выглядеть в суде.

Его указующий перст скукожился, точно высохшее дерьмо, и он сделал пару шагов назад.

– Послушай, если ты тронешь меня пальцем...

Однако он не закончил свое предложение с угрозами, поскольку понял, что я получил полную свободу. Мне ужасно захотелось воспользоваться ситуацией и вывести урода из обращения, вот бы все порадовались! Но у Конни в детском саду были малыши, и я знал, что ей судебное разбирательство совсем ни к чему. К тому же зал судебных заседаний – дом родной для типов вроде Лизуна. Там он наподобие гладиатора, выступающего на арене перед судьей. Я даже представил себе, как он скачет там, точно маленькая рыжая мартышка, и с энтузиазмом тычет во всех пальцем. Да и вообще, если честно, испуганное лицо получалось у меня не слишком убедительно.

Поэтому я спросил:

– Сколько у вас в бумажнике денег?

Лизун попытался было возмутиться, но он прекрасно понимал, что у него появилась возможность выпутаться из неприятного положения.

– Понятия не имею. Может, пара сотен.

Как бы не так, дерьмо собачье. Адвокаты и бухгалтеры всегда точно знают такие вещи. Обычно они рассовывают по карманам по несколько купюр, свернутых в трубочку, на случай, если вдруг их вечер закончится с какой-нибудь настырной танцовщицей или прости-

туткой. Я не сомневался, что этому типу наверняка известно, сколько наличных его больная мамаша прячет у себя под подушкой.

– Давайте три сотни, – сказал я. – Для официантки, и я забуду про самооборону.

Адвокат отшатнулся от меня.

– Три сотни за то, что я ее лизнул? Господи Иисусе!

Я знал, что он не станет особо кочевряжиться. Иначе ему придется объяснять своим высокопоставленным клиентам, как так получилось, что ему начистили морду в низкопробном казино, где углы ковров покрыты плесенью, а чтобы спустить воду в туалете, нужно дернуть за цепочку.

Лизун принялся рыться в бумажнике, словно деньги сопротивлялись и не желали покидать свое тепленькое местечко, поэтому я вырвал его у адвоката, слегка сжав при этом его мягкие пальцы.

– Давайте я вам помогу, сэр. Вы весь дрожите.

Он совсем не дрожал, но я хотел внедрить в его сознание мысль, что он должен. Этому меня не учили в школе охранников. Перед моей второй командировкой армейский психолог дал мне несколько советов о том, как следует действовать в конфликтных ситуациях.

Я вырвал у него бумажник, чтобы побыстрее от него избавиться, но еще мне хотелось взглянуть на его визитку. Всегда полезно иметь более подробную информацию о скандальных клиентах, да и они пусть знают, что им не скрыться. Имея визитку, я смогу найти его жену, и пусть тогда перед ней оправдывается. Его обезьянья голова будет лежать на тарелочке, и никакой суд не сможет предъявить обвинение тому, кто это сделает.

Я отсчитал шестьсот пятьдесят долларов и бросил ему бумажник.

– Ладно, мистер Джарид Фабер, – сказал я, взглянув на визитку, – с этого момента вам запрещено появляться в «Слотце».

Фабер что-то проворчал про то, что ему плевать, и, если честно, я его понимал.

– Мы благодарим вас за то, что вы нас посетили, и просим поискать развлечений в другом месте. – В общем, стандартное «убирайтесь и больше не возвращайтесь».

– Ты совершаешь грубую ошибку, Дэниел, – сказал Фабер, однако я так часто слышу эти слова, что их можно будет выгравировать на моем надгробном камне. – У меня в городе имеются очень серьезные друзья.

– У нас у всех имеются серьезные друзья, – сообщил я ему и удивил самого себя, добавив к этим словам весьма остроумное замечание: – У меня есть армейский дружок, который не улыбался со времен операции «Буря в пустыне».

Впрочем, никто не оценил моей шутки, а Фабер пробормотал что-то вроде: «Да пошел ты». Значит, в этом адвокате еще остался намек на боевой дух, и я решил его растоптать.

– Неси свою задницу домой, – прорычал я, – а иначе я тебе так врежу, что ты будешь подавать на меня в суд с того света.

Звучит неплохо, но слегка пахнет Голливудом. Я уже использовал эту фразочку пару раз, так что Конни, услышав ее, едва сдержала стон.

Я сжал кулак для доходчивости, и Фабер принял мудрое решение отвалить. Впрочем, он из тех, кто не умеет красиво проигрывать, поэтому уже от двери швырнул Конни еще две сотни.

– Держи, – ядовито заявил он, – сделаешь себе новые сиськи.

Я сдвинулся с места, как будто собирался ему врезать, и он быстро исчез, только дверь хлопнула за спиной. Мне очень хотелось хорошенько его отделать, но по опыту я знал, что особой радости мне это не доставит. Поэтому я проглотил инстинктивное желание с ним разобраться, словно горькую пилюлю, изобразил на лице похоронное выражение и повернулся к Конни.

– Ты в порядке?

Та, опустившись на колени, пыталась достать пятьдесят долларов, которые улетели под диван, когда Лизун хлопнул дверью.

– Да пошел он, Дэн. Этого хватит, чтобы заплатить няне за две ночи.

Я приподнял диван ногой, чтобы она смогла достать купюру и не перепачкалась в дерьме, которое там собралось.

– Это пропавший презерватив Аль Капоне? – попытался пошутить я.

Но Конни расплакалась. Может, шутка не получилась, но, скорее всего, урод Фабер стал последней каплей, поэтому я обнял ее за плечи и помог подняться. Конни принадлежала к числу девушек, которых мужчине хочется защищать: очень красивая, будто из какого-то фильма пятидесятых; ее волосы, как у Риты Хейворт, при ходьбе струились по спине, точно лава по склону горы, а большие зеленые глаза все еще хранили тепло, несмотря на гнусную работу и еще более гнусного бывшего мужа.

– Успокойся, милая, он ушел и больше не придет. Ты его не увидишь.

– Сейчас уже никто не говорит «милая», Дэн. Только в кино.

Я тихонько сжал ее плечо.

– Я ирландец, милая, мы другие.

Конни начала приводить в порядок бикини в горошек, которое в нашем заведении играло роль униформы.

– Правда? Надеюсь, *другие* в хорошем смысле? Этот урод был другим в *плохом*. А как вы в Ирландии называете червяков вроде него?

Я задумался.

– В Ирландии его бы называли лошадиным дерьмом или червяком.

Конни улыбнулась сквозь слезы, и я подумал, что это уже победа. Лучше, чем отчаяние, которое я увидел в ее глазах, когда вошел в комнату.

– Лошадиное дерьмо... мне нравится. Нужно съездить в Ирландию. Я это каждый год говорю. Маленькому Альфреду там понравилось бы, да и Еве тоже. Зеленые поля и дружелюбные люди.

– Сейчас и того, и другого стало меньше, – признался я. – С тех пор, как там появились деньги.

– Ты мог бы нас туда отвезти и показать настоящую Ирландию.

Я возликовал.

– В любое время, Конни. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

Конни дернула за отворот черной вязаной шапочки, которую я снимал только когда ложился спать.

– Ну, как дела, малыш?

Обычно я старался этой темы избегать, но мы с Конни знали друг друга почти два года, а это в нашем бизнесе целая жизнь. Как говорят, у нас была история. Однажды на выходных, несколько месяцев назад, она вызвала няню, и мы с ней решили развлечься. Дело могло бы зайти и дальше, но она сказала, что ей не нужен новый папаша для ее детей. «*Я просто хочу на пару ночей почувствовать себя молодой, Дэн. Ладно?*»

Двадцать восемь, а она хотела почувствовать себя молодой.

Мечта любого мужчины, не так ли? Пара ночей с официанткой и никаких обязательств. Я не стал тогда настаивать, но сейчас подумал, что, наверное, стоило это сделать.

– Выглядит вполне прилично, – сказал я. – Завтра пойду к Зебу, чтобы он взглянул.

– А мне можно посмотреть? – спросила она и одновременно начала стягивать с меня шапочку.

Мои руки, словно сами собой, собрались ее остановить, но я сдержался, решив, что пришло время услышать мнение постороннего человека.

Она стащила шапочку своими длинными пальцами и толкнула меня под утопленную в потолке лампочку.

– Это Зеб сделал?

– Ага. И парочка медсестер, думаю, студенток; они готовили фолликулы.

– Совсем неплохо, – прищурившись, проговорила Конни. – Я видела много графтов,⁵ но тут все сделано хорошо. Ровненько и никаких шрамов. Это что, крысиная шерсть?

Я пришел в настоящий ужас.

– Крысиная? Господи, Конни... Это мои собственные волосы. Со спины. Через несколько недель они выпадут и начнут расти новые.

– Я слышала, что сейчас крысиную шерсть тоже используют, Дэн, – пожав плечами, сказала Конни. – Говорят, она жесткая, как проволока.

Я забрал у нее шапочку и натянул на голову.

– Никаких собак или крыс. Только шерсть ирландцев.

– Ну да. Выглядит замечательно. Еще пара визитов, и ты уже сам перестанешь замечать разницу.

Я вздохнул так, будто мне это стоило кучу денег... а впрочем, действительно немало.

– Так и задумано.

Я поглубже натянул шапочку, взял Конни за локоть и повел в игровой зал: барная стойка с пластиковым покрытием, тусклый свет, скорее из соображений экономии, чем моды. Рулетка, которая дергается всякий раз, когда ее запускают, два карточных стола с потертым сукном и полдюжины игровых автоматов. В общем, «Слотц».

– Слушай, возьми полтинник, – сказала Конни. – Если б не ты, он бы не заплатил.

Я слегка оттолкнул ее руку.

– Рад был тебе помочь, милая. В тот день, когда он лизнет *меня* в задницу, я возьму пятьдесят долларов.

Конни громко расхохоталась, и внутри у меня что-то зашевелилось.

– В тот день, когда он соберется лизнуть тебя в задницу, малыш, я куплю билеты на представление, чтобы посмотреть, что будет потом.

Она успокоилась, но я понимал, что это явление временное; в заведении вроде нашего хорошему человеку тяжело.

– Ты сможешь вернуться в зал?

– Конечно, милый. Ты же знаешь, Виктор вычтет у меня за всю ночь, если я сейчас уйду.

Я наклонился к ее уху, почувствовал запах духов и в очередной раз отметил, какая у нее длинная шея, а еще уловил мятный аромат ее дыхания и вспомнил те несколько ночей, что мы провели вместе.

– Между нами, Виктор тоже лошадиное дерьмо.

Конни снова рассмеялась, и я подумал, что с удовольствием заплатил бы, чтобы чаще слышать ее смех. Она взяла со стойки поднос и вернулась в зал, покачивая бедрами, как кинозвезда из тех времен, когда у звезд были бедра, которыми стоило покачивать.

Уходя, она бросила через плечо пару пленительных фраз, которые привели меня в состояние невероятного волнения.

– Может, нас ждут еще одни выходные, малыш. Или даже целая неделя.

Конни, милая, – подумал я и поднял глаза.

Придерживайся правил этикета, смотри вверх.

Пока смотри вверх. Но у нас с Конни остались еще незаконченные дела.

Еще один взгляд на бедра, – требовала темная сторона моей сущности, – *а потом снова за работу.*

⁵ Кусочки кожи с волосяными фолликулами для трансплантации.

Как это всегда бывает, темная сторона победила.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы привести свои мысли в порядок. Одна из самых распространенных ошибок неопытных охранников состоит в том, что они считают себя большими и страшными, думая, что только идиот станет с ними связываться, и пытаются таким способом произвести впечатление на свою девушку. Ключевое слово здесь «идиот». Они бывают всех видов и размеров, большинство приходит к нам, сильно набравшись, или под действием наркотиков, а иногда употребив и то, и другое сразу. Они готовы сразиться с самим дьяволом, если им кажется, что это поможет завоевать уважение своих дружков или расположение официантки.

Так что я заставил себя забыть про Фабера и Конни и занялся посетителями. За столами сидели ребяташки из колледжа, которые пялились на официанток, несколько явно разведенных женщин и старина Джаспер Биггс, изображавший из себя богача и швырявший купюры по одному доллару с таким видом, будто это стольники. Никаких признаков опасности. И все же я решил отправить в зал Джейсона, чтобы тот попугал посетителей своим стероидным взглядом. Это всегда полезно. Иногда случается так, что проблемы ходят парочками.

К несчастью, я оказался прав. Прежде чем растаял образ бедер Конни, двойные двери распахнулись, и в зал ввалилась компания из дюжины нанюхавшихся кокаина парней. Я не сомневался, что у кого-нибудь из них чешется между ног или в кармане джинсов лежит выкидной нож.

«Джейсон, тебе вообще не следовало их впускать», – подумал я.

В одной из своих песен Боб Гелдоф пел: «Сегодня как раз та ночь, когда будет драка». К сожалению, Боб тоже не ошибся.

Глава 2

После первой командировки в рядах ирландской миротворческой армии в Ливане я был отправлен домой, где меня никто не ждал, и обнаружил, что трава там не такая зеленая-презеленая и роскошная, как раньше. Очевидно, широкая общественность считает, что миротворческие силы не участвуют в военных действиях; по их представлениям, мы стоим между двумя воюющими сторонами и произносим что-то вроде: «Слушайте, парни, это уже слишком» или «Покажите в вашей священной книге строки, где сказано, что порою минные поля – это нормально». И тогда армейские отвечают: «Вы, ирландцы, попали в самую точку, не в обиду христианам, к тому же в вашей собственной стране в этом плане все настолько прекрасно, что нам должно быть весьма стыдно за пограничные конфликты, а о наших разногласиях следует просто забыть».

Я решил, что лучший способ заполнить кратер, образовавшийся в моей душе из-за того, что этого так и не произошло, а еще из-за полного подрыва и прочей чепухи, которая случилась, – это записаться добровольцем во вторую командировку. Судя по всему, мое заявление стало тревожным звонком, потому что сержант-майор приказал мне отправиться в любое удобное для меня время в офис доктора Мориарти. Правда, вместо слов «отправиться» и «в любое удобное время» прозвучало «немедленно, чертов кретин».

Я знаю, что по традиции мне следовало разозлиться, ударить кулаком по собственной ладони и заявить: «Это возмутительно, сержант», или «Со мной всё в порядке», но, если честно, перспектива пройти такое обследование вызвала у меня некоторое любопытство.

Так что на следующее утро, явившись в офис доктора Мориарти ровно в семь утра, я узнал, что психотерапевты не придерживаются расписания, принятого в армии. Следующие два часа я провел в приемной доктора, где читал журнал под названием «Психи», честное слово!

Доктор Мориарти? Я знаю, это почти что профессор Весельчак, верно?

К тому времени когда доктор Саймон Мориарти наконец пришел, я уже почти стал специалистом в области психиатрии: если в детстве с тобой случилось что-то плохое, ты можешь обвинить в этом кого-нибудь, когда станешь взрослым; возможно, человека с такой же прической, как у того, кто тебя обидел.

Я поделился своими выводами с доктором Мориарти, когда он ввалился, выглядя как гитарист из «Бон Джови»⁶ и источая запах барабанщика из «Хэппи мандиз».⁷ И я не заметил у него ни бабочки, ни заплат на рукавах.

– Отличная теория, – заявил доктор Мориарти и плюхнулся на диван. – Я говорил Мэрион, что нам не следует разбрасывать журналы по психологии по всей приемной. – Он закурил сигару и выпустил густую струю дыма в потолок, а я в это время пытался вспомнить, когда в последний раз слышал слово «разбрасывать». – Симпатяга полковник Брейди посоветовал мне разложить там женские журналы, чтобы вычислять голубых. Он просто гений.

– И хорошо целуется, – добавил я с непроницаемым лицом.

Профессор Мориарти ухмыльнулся сквозь сигарный дым.

– Похоже, ты небезнадежен, солдат.

Я решил, что пришла пора перейти к делу.

– Я хочу записаться добровольцем во вторую командировку в Ливан.

Мориарти ловко вышвырнул сигару в приоткрытое окно.

– А может, и нет.

⁶ Американская рок-группа из Нью-Джерси.

⁷ Британская рок-группа, бывшая одним из лидеров «манчестерской волны» на рубеже 1980—1990-х гг.

В общем, мы с ним проговорили целый час. Наша беседа напоминала обычную трепотню в пивной, когда ты несколько дней квасишь с лучшим другом, и сознание у тебя затуманено водкой.

Я сидел за столом, а Мориарти лежал на диване и засыпал меня вопросами. В конце концов он спросил:

– Почему ты решил пойти служить в армию, Дэниел?

Я вспомнил статью из журнала.

– А вы как думаете, почему я пошел в армию, док?

Мориарти долго и фальшиво хохотал – так, что злодей из фильма про Бонда мог бы им гордиться.

– Это очень смешно, – заявил он с такой уверенностью, что я вдруг подумал, что всю жизнь неверно употреблял слово «смешно». – Я чувствую себя полным идиотом. Стоило ли столько времени тратить на университет, если можно было просто почитать специальные журналы. Желаю тебе хорошо провести время в Ливане.

Я вздохнул.

– Ладно, док. Я пошел в армию, потому что...

Мориарти даже сел.

– Потому что?

– Потому что форма приводит меня в восторг. Перестаньте, док, все вы понимаете. Это работа, за которую платят деньги.

Саймон Мориарти сморгнул остатки вчерашней вечеринки.

– Тебя отправили домой раньше времени, Макэвой. Не напомнишь почему?

Я пожал плечами.

– Из-за меня вертолет обстрелял наши позиции, – произнес я так, будто ничего особенного не произошло, хотя на самом деле это был серьезный инцидент. Мои ноги задрожали, когда я сказал это, а перед глазами всплыло ночное небо, расцвеченное трассирующими пулями, точно кадры из «Бегущего по лезвию» или «Звездных войн».

– Похоже на действия идиота.

Он пытался поймать меня на наживку, но я не волновался, потому что теперь мы оба чуть заметно улыбались.

– Остатки отряда Амаля решили захватить наш лагерь, – начал объяснять я. – По старинке, в честном сражении; у двоих даже имелись мечи. Все успели спрятаться в бункере, кроме часовых. У меня было радио, поэтому я вызвал боевой вертолет.

– Это было правильное решение?

– Вопреки инструкции. Это повлекло серьезные разрушения; впрочем, их оказалось меньше, чем могло быть. К тому же генерал должен был остаться в живых.

– Поэтому тебя отправили домой?

– Я был контужен.

– Действительно, был?

– Конечно. Никаких естественных отправлений в течение трех дней.

– Так, и почему же ты пошел служить в армию? – снова нанес удар Мориарти.

Он был хорош. Я не ожидал, что он сменит тему. Ну, в том смысле, что история про вертолет достаточно интересная.

– Я решил, что умереть за морем лучше, чем жить дома.

Мориарти вскинул руку.

– Один – ноль, – выкрикнул он.

* * *

Обычно по ночам, после работы в казино, я принимаю пару пилюлек триазолама,⁸ чтобы уснуть. Сначала я держусь, пытаюсь не обращать внимания на миссис Делано, которая живет в квартире этажом выше, но в конце концов она достает меня своими воплями, и на несколько часов я избавляюсь от них при помощи таблеток.

Как правило, мы с ней перебрасываемся несколькими фразами сквозь отверстие в потолке вокруг люстры. Я начинаю примерно так:

– Ради всех святых, заткнитесь.

На что миссис Делано отвечает:

– Ради всех святых, заткнитесь.

После чего следует моя реплика:

– Хотя бы на одну ночь. Неужели мы не можем провести хотя бы одну проклятую ночь в тишине?

Она же хитроумно передергивает мои слова:

– Как-нибудь ночью я тебя обеспечу тишиной и покоем.

Теперь вы понимаете, о чем речь?

Но сегодня я думал про Конни и потому добавил триазолам к порции «Джеймсона»,⁹ получив в награду несколько часов сладких снов. Однако уже в восемь утра пронзительные вопли безумной соседки нарушили мой покой, так что я лежал в кровати и слушал, как Делано выдает монологи, которые были бы очень даже к месту в «Изгоняющем дьявола».¹⁰

– Если я когда-нибудь тебя найду, я отравлю твой кофе.

Услышав такое, я мгновенно выскочил из постели. Я прожил в этом доме пять лет, и в первые два года миссис Делано производила впечатление вполне нормального человека без склонности к убийству. Потом, на третий год, она принялась произносить речь про отравленный кофе. Я начинаю думать, что на самом деле никто никого не знает, в том числе и меня, помешанного на волосах вышибалу, уволенного из армии.

Какова вероятность того, что мы с ней пересечемся в соответствии с принципами диаграммы Венна?¹¹ Диаграммы Венна? Да, знаю. Еще один подарок от Саймона Мориарти.

Я встал под душ и принялся размышлять о Конни. Должен заметить, что это самое подходящее место для подобных мыслей. Я отлично помнил все, что с ней связано. То, как она двигалась, будто внутри у нее был спрятан маятник, как ее бруклинский акцент становился немного заметнее, когда она сердилась. Помнил резкие линии носа и подбородка, а еще широкую улыбку, подобную ломтику рая.

– О, малыш, – говорила она. – О, малыш.

Меня окутывал пар, а воображение мчалось вперед. Чуть хрипловатый выдох в конце фразы.

О, малыыыш...

Как я мог не заметить этого раньше? Она же давала мне знак.

Я погрузился и выключил душ.

Солнце пробивалось внутрь сквозь окно в ванной комнате, нагревая клетчатую виниловую занавеску, и я понял, что день будет жарким. Слишком жарким для шерстяной шапочки.

Ничего, у меня есть и другие, полегче.

⁸ Снотворный препарат.

⁹ Марка традиционного ирландского виски.

¹⁰ «Изгоняющий дьявола» (англ. The Exorcist) – классический фильм ужасов (1973, реж. У. Фридкин).

¹¹ Диаграмма Венна – схематичное изображение всех возможных пересечений нескольких (часто – трех) множеств.

* * *

Я люблю это время года в Нью-Джерси. Воздух напоминает о родном доме и земле Изумрудного острова. Ирландия... Иногда, в ясные дни, небо здесь такое же ослепительно-синее.

Ну так поезжай домой и перестань скулить.

Я даже собственное подсознание начинаю раздражать. Разве есть в мире что-нибудь более жалкое, чем ирландец в чужой стране, поющий жалобным голосом «Мальчик Дэнни»?¹² Особенно тот, который не особенно жаловал эту страну, когда там жил.

«Страна тут ни при чем, – напомнил я себе. – Дело в людях и событиях, которые там происходили».

Моя квартира находилась на втором этаже, в трех кварталах к северу от Мейн-стрит и десяти к югу от улицы с выстроившимися в линию зданиями с несколько сомнительными фасадами, которые в этом городе выступали в роли торгового центра. Я шагал по потрескавшемуся асфальту, стараясь выглядеть мирно. Однажды я встретил цыганку, которая сказала, что меня окружает аура, наполненная угрозой, словно вода, кишасящая акулами. Иногда люди пугаются просто от того, что я прохожу мимо, поэтому я немного сгорбил, смотря себе под ноги и пытаясь излучать дружелюбие. *Думай о хиппи, о хиппи думай.*

Кабинет доктора Кронски находился в той части города, где на тротуарах не растут деревья. Урны здесь обычно переполнены пивными банками и бутылками, и, если слишком долго стоять на одном месте, тебе предложат все, что только душа пожелает.

Можно было подумать, что Зеб Кронски паршивый хирург, но на самом деле это совершенно не так. Он отличный хирург, только без лицензии на врачебную практику в Соединенных Штатах, которую не смог получить лишь потому, что в Тель-Авиве у него на столе умерла пациентка, когда он делал ей операцию по увеличению груди. Зеб заверил меня, что в этом не было его вины. Смерть вызвали имплантаты.

Дом построили лет двадцать назад, но выглядел он в пять раз старше. Кабинет Зеба располагался в крошечном торговом центре, почти целиком состоявшем из стекла и перегородок. Зимой бухгалтеры и медсестры дантистов замерзали в этих коробках до полусмерти.

Зеб устроился между химчисткой «Белоснежка» и «Ослепительной улыбкой». Настоящий химический сандвич. И неудивительно, что у моего друга доктора нередко выдавались не самые лучшие дни. Какой мозг выдержит такое количество ядовитых испарений? Я всегда старался записаться к нему на утро, до того, как он впадал в депрессию.

Подойдя к двери, я обнаружил на ней табличку «Закрето». Удивительно. Обычно в это время в гомеопатическом центре Кронски идет активная торговля капсулами с порошком из пениса крокодила. Зеб говорил мне, что изначально эта вывеска служила прикрытием, но теперь ему приходилось за это отдуваться.

«Люди – дерьмо, Дэн, – сказал он мне как-то вечером в «Слотце», глядя на остатки виски на дне своего стакана. – Все хотят заполучить магическую пилюльку. И им плевать, из чьего члена она сделана».

Деревянные жалюзи на фасаде дома напоминали мне палубу шхуны, на которой я работал в гавани Ков.¹³ «Пелюли Кронски», – гласила вывеска. Такое впечатление, что в этом торговом центре собрались особые знатоки правописания. Через две двери дальше распо-

¹² «Мальчик Дэнни» – баллада, написанная в 1910 г. английским юристом Ф. Уэзерли. Ее особенно любят американцы и канадцы ирландского происхождения, считая эту балладу неофициальным ирландским гимном.

¹³ Город в Ирландии.

ложились «Короткие стриптиши», а за углом, в задней части здания, – «Бизумные детки», горстями глотающие риталин.¹⁴

Я решил, что Зеб отсыпается после очередной попойки, лежа лицом вниз в пустой джакузи, и почувствовал, что меня начинает охватывать некоторое раздражение.

Снова.

В прошлый раз мне пришлось заплатить двести долларов, чтобы отвязаться от хозяйки борделя. Я готовился к этому визиту, прокручивая в голове самые разные сценарии и вступая с самим собой в полемику.

А что, если фолликулы не приживутся? Вдруг у меня останутся шрамы? Может, я тщеславный придурок и останусь таким же уродом после следующей операции?

Я накрутил себя до предела, как сказали бы мои новые сограждане, а Зеб Кронски не явился на работу. А раз Зеб еще не явился, значит, вчера он как следует набрался.

Я достал из бумажника запасной ключ, чтобы сделать себе кофе, решив дождаться, когда он придет. И тут заметил, что дверь слегка приоткрыта.

Меня это немного удивило. Совсем чуть-чуть. Зеб частенько забывал застегнуть «молнию» на штанах, когда напивался. Однажды в баре, клянусь всеми святыми, он, выйдя из сортира, сделал пять шагов, прежде чем убрал свой член на место.

Я толкнул дверь ногой и нырнул внутрь. В тусклом свете цвета сепии плясали пылинки – значит, совсем недавно здесь кто-то ходил.

В подобные моменты я невольно вспоминаю наши патрули в Тибнине. Когда мне есть чем заняться, картины из прошлого всплывают передо мной короткими эпизодами, но некоторые ситуации вызывают их чаще, чем другие.

Неожиданно, во второй раз за много дней, перед моим мысленным взором появился капрал Томми Флетчер, громадный ублюдок с руками, как у Попая,¹⁵ который постоянно жаловался. Даже рано утром, когда мы отправлялись на разминирование, он постоянно повторял: «Убийственная погода для моей кожи. В такую веснушки начинают размножаться со скоростью света».

А потом «катюша»¹⁶ подстрелила армейский грузовик «М35», который ехал за нами, и Флетчеру оторвало ногу ниже колена. Весь в пыли, почти оглохнув от взрыва, я вынес его оттуда на плече.

И... мы вернулись в настоящее. Я стараюсь не погружаться в воспоминания о тех днях, но иногда возникает ощущение, что я снова там, только на сей раз знаю, что будет дальше. Ты отключаешься от действительности и на мгновение снова становишься перепуганным мальчишкой. Однажды я даже обмочился. Мне было все равно, но в следующий раз, во время настоящего сражения, я сумел взять себя в руки.

Мне нравится смотреть по телевизору старые сериалы про крутых парней вроде Тома Магнума, Митча Бьюкенена, Санни Крокета.¹⁷ После десятисекундной страшной сцены во Вьетнаме они приходят в себя, обнаженные по пояс, и озадаченно хмурят гладкий лоб с парой капелек пота.

«Господи, Флетчер», – подумал я.

В помещении, которое снимал Зеб, потихоньку оседала взметенная кем-то пыль.

Должен сказать, что там царил настоящий хаос: на полках неровными пирамидами были сложены таблетки, ящики картотечного шкафчика открыты, точно рот пьяницы,

¹⁴ Лекарственный препарат, применявшийся для лечения гиперактивности у детей. Запрещен во многих странах, т. к. имеет множество серьезных побочных эффектов, включая наркотическую зависимость.

¹⁵ Моряк Попай – главный персонаж известной американской мультипликационной серии.

¹⁶ Имеется в виду система реактивной артиллерии времен Великой Отечественной войны.

¹⁷ Герои популярных американских сериалов: «Частный детектив Магnum», «Спасатели Малибу», «Полиция Майами».

повсюду разбросаны бумаги. Некоторые листы всё еще парили в воздухе, неуклонно приближаясь к полу.

Я сообразил, что в комнате кто-то есть, и споткнулся, зацепившись ногой за край ковра.

– Ты там в порядке, приятель? – услышал я чей-то голос.

Из тени приемной торчали скрещенные ноги в лоферах, точнее, пенни-лоферах с настоящими монетками.¹⁸ Мне стало интересно, кто это такой. Может, он из «Банды избалованных»?¹⁹ Но монетки наводили на какие-то воспоминания.

Я кашлянул, чтобы дать себе пару секунд на размышления, затем ответил:

– Нормально. Проклятый ковер. Доктор, наверное, решил меня прикончить.

В ответ я услышал глухой смех и заявление, которое сказало мне о многом:

– У тебя необычный акцент.

– Я это часто слышу, – ответил я.

– Дублин, да?

Здорово. Большинство спрашивают: «Ты ирландец?» Дублин прозвучал в первый раз.

– Я поражен. У вас там родственники?

Мой собеседник вытянул ноги.

– Не-а. Я работаю с одним парнем, который смотрит ирландское телевидение по Интернету.

Монетки выпали, и я понял, кто это. Включив свет, я убедился, что не ошибся.

Передо мной сидел Мейси Баррет, один из ребят Майкла Мэддена.

«Так, запахло проблемами», – подумал я.

В Клойстерсе почти не было организованной преступности, слишком маленький городок. Но имелся один тип, обычная шпана, который мечтал стать боссом. Как-то он провел лето у своего двоюродного брата в Бронксе и набрался там идей насчет создания организации.

Ирландец Майк Мэдден. Проституция, продвижение и развитие бизнеса по распространению метамфетамина. И вот в приемной моего друга Зеба, в темноте, сидел один из парней Мэддена.

Проклятье, что тут происходит?

Я заставил себя успокоиться. В конце концов у бандитов тоже иногда пучит живот. Может, он пришел за настойкой алоэ?

Внешне Баррет был похож на бухгалтера. Дорогая стрижка, безупречная улыбка, отличный золотистый загар. Но он вовсе не бухгалтер. Джейсон как-то раз указал мне на него в клубе. «Видишь вон того парня с роскошным загаром, в пенни-лоферах? Это Мейси Баррет. Ирландец Майк привез его сюда из Нью-Йорка. Его называют Краб, потому что у него есть привычка немного сдвигаться вбок, прежде чем прирезать свою жертву».

Очевидно, резать людей было любимым занятием Баррета. Я знал в армии типов вроде него: им нравилось пачкать руки в крови и ощущать, как клинок входит в тело.

– Ты к доку пришел? – спросил меня Баррет, как будто мы вели с ним светскую беседу.

Я налил себе стаканчик воды из кулера.

– Ага, мне назначено.

– Неужели? А в журнале ничего про тебя не написано.

Он изучал журнал и даже не пытался это скрывать.

– Я не из тех, кого записывают в журнал.

¹⁸ Лоферы – модель туфель без шнурков, по форме напоминающих мокасины, но отличающихся наличием подошвы и низкого широкого каблука. Пенни-лоферы получили свое название благодаря декоративной детали – полоске с ромбовидным вырезом, в которую раньше молодые люди (обычно студенты), следуя моде, вставляли одноцентовые монеты (пенни).

¹⁹ Прозвище группы популярных молодых актеров и актрис Голливуда, которые часто снимались вместе в фильмах 1980 гг.

Баррет уверенным движением поднялся на ноги.

– Значит, вы с доком близкие друзья? И он с тобой общается? Делится секретами?

Я пожал плечами, показывая всем своим видом: *как скажешь*.

Не слишком внятный ответ, и Баррету он не понравился.

– Просто я имел в виду, что ты тут не записан, а в руке у тебя ключ. Ключ дают только друзьям. Ну, например, вы встречаетесь, чтобы после работы выпить пивка и потрепаться. Обсудить, кому что делают в задней комнате.

– Зеб никогда не говорит про своих пациентов. В этом смысле он похож на священника.

Баррет перестал слушать после того, как я произнес первое слово.

– Зеб? Зеб, ты сказал? Проклятье, а вы и вправду близкие друзья.

И тут он полностью поменял линию поведения, перейдя на приятельский тон.

– Итак, приятель. Откуда я тебя знаю? Где-то видел, верно?

– У нас маленький город.

Баррет рассмеялся, будто я пошутил.

– Да, конечно, город маленький. Тут ты в точку попал. Но я тебя знаю. И не говори мне, что тебе неизвестно, кто я такой.

Баррет произнес последние слова так, будто знакомство с ним – это чудесный дар небес.

Да пошел он!

– Угу, Мейси, я тебя знаю. Видел в торговом центре. Ты парень Мэддена.

Он стал еще дружелюбнее.

– Точно. Я работаю на Майка. А ты – в дерьмовом клубе, который называется «Слотц», так? Ты Дэниел Макэвой, я ведь не ошибся? Я видел тебя в деле, но ни разу не слышал, чтобы ты разговаривал.

Он слегка сдвинулся вбок и опустил правую руку.

«Это нехорошо, – подумал я. – То, что он сдвинулся вбок».

– Какой же ты здоровый, Макэвой... Бьюсь об заклад, что ты на раз расправляешься с разными уродами, – заявил Баррет, тряхнув при этом рукавом, а я подумал, что Дэвид Копперфильд из него никакой.

Я не мог поверить, что все это происходит на самом деле и что Баррет собирается прикончить меня только за то, что я сюда пришел. Не то место и не то время для одного из нас. Он быстро вскинул руку вверх, и я увидел у него в кулаке луч света.

То есть это было похоже на луч света – конечно, если только он не Гэндальф.

Своевременная мысль, мгновенно разбудившая мои бойцовские инстинкты, которые тут же пустились в пляс, привела меня в движение.

Я сделал шаг вбок и для надежности впечатал каблук в ковер. Адреналин вскипел в моей крови, точно веселящий газ, и мир вокруг будто замедлил свой ход. Луч света промчался мимо моего глаза, а я вонзил ключ в шею Баррета. Некоторое время я смотрел, как он истекает кровью, а потом сел и задумался над тем, что наделал.

Глава 3

Когда я наконец расстался с армией после своей второй командировки, то довольно быстро понял, что в Дублине мне делать нечего. Каждая минута, которую я проводил в этом грязном старом городе, все дальше загоняла меня в круговорот моего собственного сознания. Я не мог найти там ни одного хорошего воспоминания о том, что не закончилось бы трагедией. А я склонен жить размышлениями. Дерьмо случается, верно? Так сражайся с ним.

Что я и сделал. Воспользовавшись тем, что я родился в Нью-Йорке, я сел в самолет, летевший в международный аэропорт Джона Кеннеди. Я надел форму, которую больше не имел права носить, чтобы зарегистрироваться на рейс, и даже получил приличный билет. Это самая старая уловка из учебников. Занимает второе место после зарядки дробовика чайными пакетиками, чтобы напугать мародеров. Потом выбросил берет и куртку в туалете, откуда вышел в гражданском костюме с билетом первого класса в руках.

Моя мать вроде бы родом из Америки, но, несмотря на то что квартира ее родителей располагалась на верхнем этаже и выходила окнами на Центральный парк, ее нельзя было назвать типичной представительницей этого города, и после приземления я с трудом понимал местный говор. Например, их восклицания, произнесенные скороговоркой, типа «О, господи!» и «Боже мой».

«Это они так выделяются, – думал я, улавливая лишь «бла-бла-бла», и всё! – Дерьмо собачье, никто так сейчас не разговаривает».

Но оказалось, что именно так они и разговаривают, а что еще хуже, мне пару раз крепко досталось только из-за того, что я не понял, что мне сказали. «На что это ты пялиш-ш-шься, долбаный дебил? Вы только гляньте на этого придурка».

В общем, я решил, что лучше не дожидаться, когда со мной кто-нибудь заговорит. Если я видел, что в баре ко мне кто-то направляется, я тут же вырубал его тем, что попадалось под руку. Пепельницей, барным табуретом – годилось все. У меня мастерски получается начинать драки. И я всегда знаю, кто из парней на меня поперет. Этому меня научил Саймон Мориарти, когда мы узнали друг друга получше.

– Я вижу, ты твердо решил вернуться туда, Дэн, так что я дам тебе парочку полезных советов.

– Например?

– Например, о том, когда следует забыть о поддержании мира и начать стрелять.

Саймон объяснил мне, что нужно смотреть в глаза и на плечи. Они доходят до точки, а потом думают: «Да пошло оно все!» Наступает момент, когда последствия перестают иметь значение, так что надо вынимать руки из карманов и как следует размахнуться. Махать руками я умею отлично. Уж этому-то за двенадцать лет в армии я научился. Но всякий раз, когда я замахиваюсь для удара, у меня начинает болеть спина, особенно в холодные темные зимы. И это несмотря на то что врачи клялись и божились, что вынули все фрагменты шрапнели, выпущенной из миномета сторонниками Хезболлы.²⁰ Они сказали, что это фантомные боли. Но когда мороз затягивает мои окна серебряной паутиной, а поясница начинает болеть так, будто какой-то полоумный лепрекон втыкает в нее острые шипы, ощущения совсем не кажутся мне придуманными.

Я прожил в Нью-Йорке четыре года, работая фасовщиком мяса днем и охранником в клубах по ночам, и уже начал сомневаться, что меня здесь ждет новая прекрасная жизнь; я так и не встретил свою любовь, к тому же у меня начали выпадать волосы. Отец, кото-

²⁰ Военизированная шиитская организация и политическая партия, выступающая за создание в Ливане исламского государства.

рого я похоронил десять лет назад, продолжал посылать мне из могилы свои приветы. За четыре года в Нью-Йорке тамошние умники достали меня по полной. Из-за постоянных драк с людьми мои костяшки пальцев стали жесткими, как желуди. Вот именно, с людьми. В Большом Яблоке опасность представляют даже женщины и дети. И если я видел направленный в мою грудь нож, мне было все равно, что его держит в руке существо с косичками и молочными зубами. Однажды промозглым осенним вечером я посмотрел на детское личико азиатской проститутки, которую минуту назад вырубил, и решил, что пора убираться из этого города. Ее ножичек с какими-то китайскими письменами на ручке я прихватил с собой, так что он до сих пор у меня.

Я сложил вещи в свой армейский мешок и доехал на поезде до городка Клойстерса, который находится в округе Эссекс, в пригороде Нью-Йорка. Единственная причина, побудившая меня сойти на этой станции, заключалась в висевшем здесь плакате: *Клойстерс. Для тех, кто устал от города.* Мне это понравилось.

Впрочем, оказалось, что *здесь* ненамного лучше, чем *там*. Стоит начать с того, что в Клойстерсе, куда можно попасть на автобусе, перебравшись через Гудзон, находятся игорные дома. А это значит, что на выходные сюда съезжаются все городские задницы, чтобы потратить свои кровно заработанные, поглазеть на голых девиц и переночевать в отелях, которые тут дешевле, чем в Атлантик-Сити. Не говоря уже о том, что собственных придурков у нас и так хватает. В общем, я прожил в Клойстерсе шесть лет и иногда думаю, что, наверное, мне стоило остаться в Нью-Йорке. Даже чаще, чем иногда.

Я решил, что уеду отсюда, как только у меня отрастут волосы. Тогда я буду счастлив. Так я себе говорил. Возможно, это следовало сделать раньше.

Я заставил себя смотреть, как умирает Мейси Баррет, потому что это имеет значение. Нельзя убить человека, а затем отвернуться, чтобы не знать, как он ушел из жизни. Иначе это станет легко и просто. За свою жизнь я убил троих, но тогда все было по-другому. И я никогда не находился настолько близко, чтобы видеть, как дрожат ресницы, и слышать хрипы в груди, похожие на стук маленьких бусин. В армии всегда можно сказать себе: «Ты на войне. Ты получил разрешение на убийство». Но здесь и сейчас, в Нью-Джерси, в лавке, где торгуют пилюльками, случившееся казалось мне неправильным. Считалось, что насильственная смерть осталась в моем прошлом. Доктор Мориарти назвал бы это анахронизмом.

Баррет умирал очень медленно, постоянно дергался, как будто сквозь него пропускали ток, истекая кровью, которая была повсюду.

«А чего ты ожидал? Ты же вонзил ключ в его яремную вену».

Каким-то непостижимым образом мое подсознание звучало как голос Зеба.

Баррет последний раз дернулся и выпустил из руки стилет, который взметнулся вверх, точно палочка чирлидера,²¹ и вонзился в плитку подвесного потолка.

Я немного расслабился. В моем своде правил в отличие от других такое убийство считается оправданным. Вот, например, Майкл Мэдден наверняка придерживался другого мнения. Я не сомневался, что Ирландец Майк порежет меня на куски за то, что я прикончил его парня. Все очень просто. И я прекрасно понимал, что следовало максимально запутать следы, чтобы он на меня не вышел.

«Во-первых, запри эту чертову дверь, идиот».

Ключ оставался там, куда я его вонзил. Я не из слабонервных, но вытаскивать его оказалось гораздо менее приятно, чем втыкать. Я услышал знакомый чавкающий звук, как будто ключ нашел себе уютный теплый домик и не желал его покидать.

²¹ Чирлидер – капитан группы поддержки спортивной команды (клуба).

Знакомый чавкающий звук? По-хорошему, он не должен быть знакомым, но я его уже слышал. Он напомнил мне о том, как однажды я пытался вытащить треугольный кусок ирапнели из собственного бока – до того, как потерял сознание.

Я вставил ключ в замок и повернул его примерно за пятнадцать секунд до того, как одна из клиенток Зеба начала дергать ручку.

– Кронски, козел, – крикнула она прокуренным голосом. – У меня от твоих таблеток понос. Двадцать шесть долларов за понос! Открой дверь, я же вижу, что ты там ходишь.

Силуэт женщины дрожал от ярости или, может, от газов, и я подумал, что, возможно, мне не следовало позволять Зебу делать дырки в моем скальпе, раз он даже нужные таблетки не мог продать.

Я прикинулся статуей, пока женщина не ушла – наверное, искать туалет, – и только после этого посмотрел на Баррета, который лежал на ковре, весь синий, с закатившимися глазами. Вид у него был такой, словно его укусил вампир. Бедный ублюдок!

Не бедный ублюдок, а убийца. Прямо как я.

«Нет, ты защищал свою жизнь. Даже Бог против этого не возражает». Без сомнений, это был голос Зеба. Мое подсознание разгадало что-то такое, чего я не хотел знать.

Я достаточно хорошо обучен для того, чтобы убивать, но совершенно беспомощен, когда нужно навести порядок. А любой болван с пультом от телевизора в руках знает, как важно избавиться от улики.

И вот тут возникла проблема. Ковер на полу был пропитан несколькими литрами крови, не говоря уже о том, что на этом самом ковре лежал мертвый семьянин весом в двести фунтов.

«Убери улики. Все. Нет тела – нет преступления».

Это оказалось совсем не просто, но, занявшись делом, я сразу успокоился. Армейский образ мышления: праздные руки – игрушки дьявола. В данном случае и занятые тоже.

В задней части помещения у Зеба имелась крошечная кладовка, где было свалено все подряд. Я отыскал пару жестких щеток, перчатки и маску. Там нашлась и электрическая медицинская пила, но я еще не был готов использовать ее. Одно дело – воткнуть в шею ключ, и совсем другое – расчленить тело.

Я обыскал Баррета и забрал ключи, телефон, часы и бумажник – все, что взял бы обычный вор. В результате в моих руках оказалась богатая добыча: ключи от «Лексуса», телефон «Прада», часы фирмы «Омега» и пачка пятидесятидолларовых купюр, толще чем «рояль чизбургер».

Ковер я снял без проблем, его стоило лишь слегка потянуть.

Очень характерно для Зеба. Все самое дешевое.

Я отодрал ту часть ковра, что лежала на полу в приемной, и завернул Баррета в три слоя, после чего обмотал его клейкой лентой, засунул в мешки для мусора и еще раз закрепил лентой. На плитке под ковром крови не было, но я на всякий случай вымыл его отбеливающим средством. Все знают, что сейчас имеются самые разные ультрафиолетовые приспособления, причем не только у копов, но и у преступников. На «И-бэй» можно купить все, что душа пожелает.

Итак, у меня на руках имелся ковер Клеопатры,²² который требовалось вынести. Он был достаточно тяжелый. Мне в моей жизни довелось пару раз переносить тела – только не сразу после того, как я совершил убийство. Я перекинул ковер через плечо, затем сделал три шага и вышел через заднюю дверь к белому внедорожнику «Лексус» последней модели – с тонированными стеклами и даже с самоотпирающейся дверью. Вот это удобства!

²² Легенда о Клеопатре, которая с помощью своего слуги проникла к Цезарю, завернутая в ковер.

На огороженной парковке никого не оказалось, и я понимал, что, если меня кто-нибудь и заметит, случайно выглянув в окно, он сможет сказать только, что видел, как какой-то мужчина в маске засунул в машину свернутый ковер. Но, разумеется, Майкл Мэдден не станет тратить свое время на такие пустяки, как отправление правосудия или обоснованные сомнения.

Я регулировал водительское сиденье, чтобы удобнее разместить свои ноги, когда на телефон Баррета пришло эсэмэс-сообщение.

– Я посмотрю, что там, ладно? – спросил я у трупа. Тот не стал возражать, и я открыл телефон.

Сообщение пришло от Майка Мэддена. «Ирландец М» – высветилось на экране. Баррет установил на этот контакт в телефоне фото своего босса. Крупный тип, запечатленный, судя по всему, на ирландской свадьбе, – голый по пояс, рядом с двумя потными громилами, вцепившимися друг в друга. Безумные глаза, плоская твидовая кепка с булавкой в форме трилистника на козырьке.

Меня передернуло. Не стоило ждать от такого ничего хорошего. Я уже встречал уродов вроде него. Алкоголик из какого-нибудь приграничного района Ирландии. Оскорбление карается смертью. Мне бы следовало прямо сейчас отправиться к нему домой и положить этому конец. Но я решил, что не стану делать ничего такого, потому что мы не на войне, а, значит, должен быть другой выход. К тому же, возможно, Зеб еще был жив.

Я прочитал сообщение.

Получил?

Я вздохнул и убрал телефон в карман.

Получил?

Дерьмо. Зеб наверняка мертв.

* * *

Итак, кто такой Зебулон Кронски и как я с ним познакомился? Эта история даже лучше, чем про вертолет. Сюрприз, сюрприз! Ответ на все вопросы находится в Ливане, поэтому я буду краток, так как мой рассказ посвящен настоящему, а не прошлому, хотя прошлое довольно часто является частью настоящего. Когда-нибудь я поведаю все в деталях, но только после того, как буду уверен, что меня опять не начнет выворачивать наизнанку от одной только мысли про русского медведя.

Итак, если коротко, миротворческие отряды США патрулировали границу между Израилем и Ливаном, пытаюсь помешать армии Израиля и шиитам Хезболлы и Амаля отправить друг друга, а заодно и нас, на тот свет. Они так долго сражались между собой, что даже не могли договориться, в какое царство попадут после смерти. Наша главная задача заключалась в том, чтобы защищать гражданское население, но на деле мы выступали в роли живых щитов, за которыми прятались шииты, стреляя ракетами по лагерям израильтян. Мы почти все время ходили в камуфляже, патрулировали территории и поджаривались на солнце до такой степени, что на коже у нас появлялись трещины. Но иногда ситуация накалялась, что порой случается, когда отряды уставших от жары, озлобленных мужчин с оружием в руках придерживаются разных взглядов на Бога.

Однажды в выходные нас с Томми Флетчером отправили в штаб ООН за припасами, и он настоял на том, чтобы мы свернули на Минги-стрит, где находился большой базар – точно риф, выросший вокруг штаба; там можно было купить все, что угодно, только деньги плати. В тот период нашей военной карьеры Флетчер имел чин сержанта, а я – капрала, так что мне ничего не оставалось, кроме как следовать за ним без лишних расспросов.

Томми напустил туману насчет того, что он искал, поэтому я больше делал вид, что мне неохота идти за ним; любопытство всегда было моим слабым местом. Всякий раз, когда я спрашивал, что мы ищем, он тыкал пальцем в собственный нос и говорил: «Это гораздо забавнее, чем можно подумать».

Мы пробирались среди детишек, пялившихся на нас, точно рыбы-чистильщики, мимо продавцов электроники, футболок, золотых украшений и мальчишек, торговавших гашишем. Я держал указательный палец на спусковом крючке пистолета, а большой – на предохранителе. И вовсе не потому, что мне не нравилась бурная жизнь раскаленных, как печь, переулков, – просто то, что я относился к ним нормально, вовсе не означало, что и они испытывали ко мне дружелюбные чувства.

Томми шел впереди, и тысячи презрительных взглядов отскакивали от него, точно камешки от шкуры носорога. Он уверенно пробирался сквозь развешанные отрезки тонкого шелка, локтями отпихивая в стороны свернутые в рулоны ковры. Через десять минут после того, как я совершенно перестал понимать, куда мы идем, он принялся колотить кулаком по афише Майкла Джексона, за которой, судя по всему, находилась дверь. Глаза Майкла чуть сдвинулись назад, а я, увидев еще одну афишу, не удержался и спросил: «Господи, сержант, ты что, собираешься здесь что-то купить?»

Но Флетчер не обратил на меня ни малейшего внимания и просунул в щель несколько долларов, после чего нас впустили внутрь. Афиша с изображением Майкла Джексона поползла наверх, словно жалюзи, и мы оказались перед стальной дверью, которая выглядела просто потрясающе, если учесть, что стены были сделаны из гипсокартона.

Я уже не мог сдерживаться и принялся хохотать.

– Знаешь что, Томми? Нужно уносить отсюда ноги. Ты разве не видишь, как тут ужасно? *Шамон*, – произнес я, подражая Майклу Джексону.

Я вошел вслед за Томми в коридор с низким потолком, стараясь не отставать от него, даже когда увидел приемную, забитую местными, читавшими «Ю-Эс уикли» и «Космополитан». Всю стену занимал большой плакат «Не курить» и, что было весьма необычно для Ближнего Востока, никто не нарушал запрета. Симпатичная медсестра о чем-то тараторила по телефону, не обращая на нас ни малейшего внимания, пока Томми не постучал по ее столу дулом пистолета.

– Мне нужно к доктору, – сказал он вежливо.

Медсестра была похожа на типичную американку – большие зубы, как у Джулии Робертс, а сиськи такие классные, что у какого-нибудь везунчика глаза вылезли бы из орбит, глядя на них.

– Сэр записан на прием? – спросила она, и я узнал калифорнийский акцент, когда она произнесла слово «прием».

Томми уверенно кивнул.

– Ага, сэр записан. А в сумке у него несколько запасных обойм.

Медсестра показала пальчиком с розовым ногтем на людей в приемной.

– Мы здесь все вооружены, сэр. И я держу под прицелом своего «кольта» ваши интимные части. Так что садитесь и ждите, потому что, если он нечаянно выстрелит, даже док ничем не сможет вам помочь.

Было довольно странно, что все эти мелодраматичные события происходили в один день. Но при такой жаре они не представлялись реальными или неправильными. Мои мозги плавилась в черепной коробке, а стены вокруг меня шипели и трескались.

И огромные отвратительные мухи.

Две женщины в цветастых повязках на головах обсуждали статью про Мадонну.

– Прошу прощения, мисс, но мы записаны на прием, – сказал Томми.

Дальше все начало происходить с головокружительной скоростью, и, когда я попытался разобраться, как это было, картинки сменяли друг друга, как в старом видеомэгнитофоне, который слишком часто прокручивали.

Медсестра вскочила со своего стула, я увидел в ее изящных пальчиках огромный пистолет, а в следующее мгновение оказалось, что он уже у меня в руках. Видимо, я его у нее вырвал, хотя не помнил, как и когда. Думаю, сказались долгие часы тренировок. Томми скрылся в коридоре, а я, помню, подумал: «Ладно, хватит. Я не знаю, что тут происходит, но нужно отсюда валить. Проклятье, я вполне могу выскочить на улицу, пробив одну из тонких стен».

Но я не стал ничего такого делать, а последовал за своим сержантом.

Коридор был завешан выцветшими на солнце плакатами. Я даже успел разглядеть афиши фильма «Инопланетянин» и Шона Коннери в роли Джеймса Бонда, но уже в следующее мгновение мы остановились перед дверью. Кто-то написал на ней жирным маркером «ДОКТОР».

– О господи, – проговорил Томми. – Сейчас это очень кстати.

Он вошел, я за ним, медсестра не отставала, обзывая нас сукиными детьми. Оказавшись внутри, я увидел что-то вроде операционной с пластиковым полом и мужчину в белом халате, который в этот момент воткнул в пенис какого-то парня огромную иглу шприца, наполненного вязкой красной дрянью.

Неожиданно я понял, что мне уже совсем не любопытно, куда меня привел Томми, которого вытошнило прямо на пол, и во все стороны полетели брызги.

– Вонючие ублюдки, – возмутился доктор. – Здесь должно быть стерильно.

Вот так я познакомился с Зебулоном Кронски.

Остальное – потом.

* * *

В прежние времена я мог бы домчаться на «Лексусе» до аэропорта Ньюарка и бросить его там на долговременной стоянке. Сейчас же, из-за ужесточившихся мер национальной безопасности, машину стали бы проверять со всех сторон, сверху и снизу, не теряя особо время. Поэтому я доехал до автобусной станции и припарковал внедорожник около мусорных контейнеров. Я не сомневался, что у меня была фора примерно дней в десять, прежде чем ее обнаружат. Если повезет, какой-нибудь мальчишка угонит автомобиль, выбросит где-нибудь тело и, таким образом, запутает все следы.

Я прошел около шести кварталов от станции, затем остановил такси и, не испытывая ни малейших угрызений совести, заплатил водителю одним из полтинников Баррета.

Да пошел он, ублюдок пытался меня зарезать.

Я не мог произнести это вслух, потому что никогда никого не убивал, кроме как в зоне военных действий, и случившееся потрясло меня до глубины души.

А ты считаешь, что тут не зона военных действий? Тогда как это называется?

В такси я так отчаянно пытался разобраться в событиях утра, что у меня дико разболелась голова. У Зеба есть отличная фраза, описывающая подобные ситуации. Плохие карты во время игры в покер или неудача с женщиной могли легко вывести его из состояния равновесия.

Настоящий ослиный член, вот что это, Дэн. Долбанный ослиный член.

Я не знаю, что эта фраза означает в точности, но она полностью передает настроение.

У моего друга есть нечто такое, что хочет заполучить Ирландец Майк Мэдден. Причем настолько важное, что Мейси Баррету было велено прикончить любого свидетеля, который там окажется. Будь Зеб жив, Баррету не пришлось бы переворачивать вверх дном его

лавочку, он бы и сам все отдал. Это я знал наверняка, потому что Зеб вообще не переносил боли. Однажды мне пришлось отвезти его в отделение неотложной помощи из-за сердечного приступа, оказавшегося всего лишь ущемлением нерва. Представляете, ущемление нерва? Дерьмо, да у меня такое происходило по дюжине раз за неделю, когда я служил в армии. Значит, Зеб наверняка уехал. А если и нет, то что я могу с этим поделать?

Ничего. Опустить голову и помолиться о том, чтобы буря прошла мимо. Молча скорбеть и надеяться, что все уладится само собой. Киношные истории про то, что солдаты никогда не бросают своих, – чушь собачья. Если кто-то остался за линией фронта, считается, что он погиб. Таково первое правило войны.

Глава 4

Я полтора часа потратил на ланч, с которым можно было бы управиться минут за десять, в закусочной «Чекерс дайнер» около парка. Я думал, что индейка покажется мне безвкусной, и ошибся. Это был самый потрясающий сэндвич из всех, что я когда-либо здесь ел, а я тут частый посетитель.

«Я жив, и еда доставляет мне удовольствие», – сообразил я.

Я вспомнил, как мы возвращались на базу после разведки, и грязная вода из горлышка бидона для масла казалась нам божественным нектаром. Случившееся сегодня потрясло меня так, что вернулись воспоминания, и я снова начал думать как солдат; впрочем, может, это не так уж и плохо.

Когда я перестал наслаждаться волшебством еды, то снова начал размышлять про Зеба. Наверное, про него можно было сказать, что он мой друг. Единственный на свете. Когда тебе переваливает за сорок, считается, что в твой ближний круг должны входить несколько доверенных людей. Возможно, в Ирландии я мог бы рассчитывать на парочку армейских товарищей, но в Америке так и не обзавелся друзьями. Даже Зеб не стал бы терпеть серьезные неудобства ради меня. Как-то раз поздно ночью я вытащил его из постели, чтобы он отвез меня домой, и мне пришлось выслушивать его стенания по этому поводу целый месяц.

Я решил, что он мертв. Скорее всего. Так что надеяться на что-то не имело никакого смысла.

Деревья в парке еще не сбросили свой зеленый наряд, что было необычно для этого времени года, и листья даже не начали опадать. За оградой отец и сын бросали друг другу бейсбольный мяч, прямо как в фильме про счастливую семью.

А мое время уже ушло. Слишком поздно для игры в бейсбол и детей, у которых были бы мои глаза. Все, что я хотел теперь, так это дожить до вечера, чтобы снова слушать вопли моей безумной соседки.

Ирландцев считают сентиментальными нытиками, что чистая правда. У них на каждый луч солнца имеется собственная туча. Может быть, именно по этой причине мы с Зебом так хорошо ладили. Должен признаться, что мы оба просто обожали хорошенько, от души постанать. Впрочем, Зебулон уже покончил с жалобами на жизнь.

«Не рассчитывай на это, ирландская задница».

Разве что он все еще жив в моей голове.

* * *

Днем я наблюдал за своим домом с противоположной стороны улицы, где примерно в десяти ярдах от входной двери располагались три продуктовых магазинчика и итальянский ресторан, так что я сидел и нагружался булочками и кофе, как в какой-то момент здравый смысл начал требовать, чтобы я встал и ушел, в то время как желудок жалобно просил меня вздремнуть.

Я пил четвертую чашку эспрессо, когда два типа в костюмах поднялись по ступенькам моего дома, и похоже, что они торговали началом *той* жизни, а не концом *этой*. Явно не профессионалы. Они шли рядом и даже не потрудились проверить дверь, прежде чем в нее постучать. Любой, кто захотел бы пристрелить их, уже мог сделать это сквозь щель для почты.

Я оставался на посту еще несколько часов, но никакие подозрительные или подозрительно непримечательные типы так и не появились. Впрочем, это не означало, что у меня всё в порядке. Мейси Баррет еще даже не остыл в своем ковре.

В конце концов кофеин в моей крови победил углеводы, так что я отправился в клуб, который находился поблизости, и добрался туда к восьми, несколько удивленный тем, что все еще жив и здоров. Я не заметил даже косых взглядов прохожих – по крайней мере, посматривали на меня не больше, чем обычно. Я выгляжу так, что люди думают про меня всякие гадости, когда я прохожу мимо. Неожиданно я напоминаю им старого папашу, их дружка-козла или придирчивого босса.

«Может, тебе стоит хотя бы иногда улыбаться», – сказал Саймон Мориарти во время одного из наших сеансов.

Я попытался последовать его совету, но моя будто замороженная улыбка одной новенькой девушке в клубе показалась знакомой, она вспомнила, что видела ее на фотографии серийного убийцы, которого разыскивало ФБР, и позвонила им. Было весело. Особенно если учесть, что я умею обращаться с ножом, да и вообще с оружием. К счастью для меня, настоящего убийцу поймали в тот же день, когда он потерял сознание под скамейкой в парке после того, как попытался вытатуировать псалом на своем члене и попал в вену. Мне очень неприятно это признавать, но он действительно был чем-то похож на меня.

В результате я больше не улыбаюсь, кроме тех случаев, когда человек, к которому я хорошо отношусь, говорит мне что-то, что считает забавным. Правда, один из тех, кто мне нравится, слишком молод, а другой пропал и, скорее всего, мертв.

* * *

На самом деле меня не удивило то, что за мной никто не следил.

«Еще слишком рано. Прошло всего полдня, как Мейси Баррет пропал», – сказал я себе.

Что, впрочем, не помешало Ирландцу Майку прислать на его телефон дюжину эсэм-эсок с вопросом, куда он подевался. Обычно они начинают вполне цивилизованно.

Эй, что происходит?

Потом его тон стал немного агрессивнее.

Ты, что, шутки со мной шутишь? М.

А под конец появилась явная враждебность.

Позвони немедленно, или я отрежу твою траханую бабку.

Траханую? Весьма предсказуемый текст.

Дальше я читать не стал.

Я появился в клубе рано, но примерно час старался не высовываться, чтобы посмотреть, не интересуется ли мной кто-нибудь, однако ничего подозрительного не происходило. Единственным опасным на вид ирландцем, болтавшимся около клуба, был я сам, поэтому я вошел в черную, обитую кожей дверь. Джейсон в гардеробе трепался с Брэнди, одной из официанток постарше. Я сказал «постарше», хотя ей еще нет и тридцати, что, по моим представлениям, является подростковым возрастом. Брэнди сердилась на весь мир уже почти год, с тех самых пор, как ей пришлось закончить карьеру стриптизерши и стать официанткой в «Слотце», а это явное понижение социального статуса.

Джейсон облокотился о стойку, и на лице у него застыло счастливое выражение, как будто он находился очень далеко, и я сразу понял, что он погрузился в детские воспоминания.

– Я помню, как мой папаша на меня помочился, – мечтательно произнес он.

Брэнди посмотрела на меня так, будто раздумывала, не спрятаться ли ей среди пальто.

– Ну да, Джейсон, – сказала она, глядя при этом на меня, и на мгновение закатила глаза. – Звучит здорово.

Джейсон мгновенно уловил насмешку в ее голосе. Он крупный парень, но совсем не дурак.

– Нет, ничего такого. Просто мы развлекались. Стояли около унитаза и старались пустить большую струю, у кого лучше получится. Что-то вроде соревнования. Папаша всегда давал мне победить, даже если синел от того, что ему приходилось сдерживаться. Ну, так вот, иногда во все стороны летели брызги, понимаешь?

– Вот это были деньки! – совершенно искренне сказал я, протягивая Брэнди свою куртку.

Я считаю, что любые хорошие воспоминания – это здорово.

Джейсон снял обертку с протеинового батончика, и я залюбовался тем, как перекачаны бицепсы у него под рубашкой.

– А у тебя было что-то подобное, Дэн? Какие-нибудь хорошие воспоминания про твоего папашу и детство в Ирландии?

– Ясное дело. Я помню, как он отлупил меня рукой, потому что не смог найти лопату. Никогда этого не забуду; у меня всякий раз к горлу подкатывает комочек, когда я вспоминаю тот день.

Я постарался, чтобы они не услышали в моем голосе горечи, но это оказалось непросто.

Людям обычно становилось не по себе, когда я рассказывал про своего отца, но Брэнди за годы, проведенные на подиуме, слышала примерно миллион подобных историй.

– Господи, Дэн, не кисни. Тут и без тебя стало невесело после того, как Конни распугала всех клиентов, дававших хорошие чаевые.

Некоторые девушки не имеют ничего против вольностей в кабинке, если это означает несколько дополнительных баксов. Большинство парней тоже.

– Да ладно тебе, Брэнди, тот тип лизнул ее в *затницу*.

– Нужно говорить *задница*, Дэн. Ты же в Америке.

Я вздохнул. Произношение – единственное, что выдавало во мне ирландца.

Именно в тот момент я решил отдать половину денег Мейси Баррета Конни. Я подумал, что ее детям не помешало бы куда-нибудь съездить на недельку. Может, и меня возьмут с собой. Мы могли бы поиграть с ними в бейсбол.

Я цеплялся за соломинку, хотя знал, что не стоит выглядывать из окна забегаловки.

– А где Конни? Уже пришла? – Я уже представлял, как буду отдавать ей деньги.

– Я ее не видел, – сказал Джейсон, разглядывая свои зубы в маленькое зеркальце на задней крышке мобильного телефона. – Лучше бы она не опаздывала, Вик уже скоро явится.

Вик больше всего на свете любит мордовать персонал – он так развлекается, поэтому может придрататься по любому поводу. Некоторое время назад он установил в туалете для персонала таймер, который простоял там примерно минут десять, пока кто-то его не поджег. В результате вместе с таймером сгорела половина задней стены заведения. И тем не менее это дает представление о том, что он собой представляет.

– Ну да, Вик, наш принц, – насмешливо фыркнула Брэнди.

Насчет Виктора мы все были единодушны.

И тут собственной персоной явился Виктор Джонс, самый старый в мире белый рэпер в свои пятьдесят пять, весь такой роскошный в спортивном прикиде и кепке с надписью «Буллз», огромных темных очках и золотых цепях до самого подбородка. Настоящий мультяшный персонаж. Саймон Мориарти мог бы до конца жизни заниматься психоанализом этого типа. Меня вообще удивляло, что его не били каждый день.

На самом деле выглядел он так, будто как раз сегодня его хорошенько отделали, – с подбородка свисала струйка слюны, а между шнурками одного из кроссовок рубинового цвета забилось что-то похожее на блевотину.

Рубинового цвета? Да брось ты, чувак! Если тебе за пятьдесят и ты родом из округа Хантертон в Нью-Джерси, имей хоть крупницу самоуважения.

Брэнди тут же подскочила к боссу и прижалась грудью к его плечу.

– Слушай, Вик, дорогой, что случилось? Что с твоим ботинком?

Лицемерие помогает выжить в «Слотце». Пять минут назад она его поносила, причем совершенно искренне.

Вик наклонился и вытер рукой подбородок.

– В... долбаном... там... Поверить не могу...

Его вырвало на другую кроссовку.

– Брррр... проклятье... проклятье.

Я не слишком сильно расстроился, глядя на все это. Если честно, было даже забавно смотреть, как корчится Виктор, и я на время отвлекся от своих проблем, связанных с гангстерами.

– Вам лучше выйти на улицу, мистер Джонс, – сказал я и подмигнул Джейсону. – Вы сразу почувствуете себя лучше, – добавил я, подпустив ирландского акцента, чтобы он не забывал, откуда я, а еще, какой я симпатяга.

– Да, вам лучше выйти, босс, – присоединился ко мне Джейсон и так широко улыбнулся, что я увидел крошечный бриллиант на его клыке. – Наверное, кебаб был несвежий, – добавил он, успев заснять эту сценку на видео на своем телефоне.

– Вы оба, заткнитесь немедленно, – задыхаясь, прохрипел Виктор и сплюнул в лужу у своих ног. – Нам нужно работать.

Он выпрямился и вытер слезы, наполнившие его хитрые глазки.

– Ладно, Макэвой, проследи за тем, чтобы в клубе не было никаких проблем. Ты понял, никаких! Заметишь кого-нибудь с наркотиками, сразу вышвыривай за дверь. Если кто-то из девушек соберется заработать дополнительно, скажи, чтобы сидели тихо. Джейсон, проследи, чтобы не осталось никаких записей с камер видеонаблюдения; если найдешь диски, стирай все, что на них есть. Все, до одного. Я хочу, чтобы мы были девственно-чисты, когда приедут копы.

Брэнди снова вцепилась в его локоть.

– А я что могу сделать, милый?

Вик стряхнул ее руку, точно мокрый пиджак.

– Ты, *милая*, можешь убрать блевотину.

С таким боссом нечего рассчитывать, что он защитит тебя от уродов, которые обожают лизаться.

И тут до меня дошел смысл слов Вика.

Когда приедут копы.

Интересно, зачем они сюда приедут?

* * *

Конни обычно ставила свой потрепанный «Сатурн» у заднего входа в заведение и входила через дверь, около которой выгружали продукты. Она не стеснялась старенькой машины, просто стыдилась своей работы и не хотела, чтобы кто-нибудь из тех, кто торчал около нашего заведения, остановил ее около двери на тротуаре. Уже после полиция оцепила десятиметровый периметр вокруг ее машины желтой лентой для ограждения мест преступления. Но до этого я, наплевав на все распоряжения Виктора, выскочил на улицу.

Мертвая Конни лежала около своей машины. На лбу между выгнутыми бровями зияла рана от выстрела. По-видимому, она сопротивлялась, потому что блузка ее была порвана, а правая туфля валялась в стороне.

Я окаменел; это было уже слишком. Произошла эмоциональная перегрузка. Мой мозг окутали клубы пара, как будто его обложили кусками льда.

«Боль придет потом», – подумал я.

И был прав.

Я не особый любитель красот природы, а потому не замедляю шага, чтобы посмотреть на звезды, и не встаю чуть свет полюбоваться восходом солнца. Но иногда какая-то картина отпечатывается в памяти, и ты понимаешь, что она останется там навсегда. Это всегда связано с насилием, дерьмом и несчастьем. Я почти не помню детского лица своего младшего брата, зато мой дорогой папаша то и дело заявляется в мои сны. Он стоит, повернувшись ко мне лицом в три четверти, глаза полуприкрыты веками, на лице клочья седой щетины, а я падаю от удара его кулака и чувствую, как мой левый глаз наполняется кровью.

Тот вечер я тоже никогда не забуду. Конни лежала рядом со своим «Сатурном» слегка на боку, будто собиралась повернуться во сне. Одна щека ободрана, как ботинок сорванца, смуглые руки и ноги, торчащие локти. Дверь машины, желтый отсвет которой падал на ее лицо, открыта. На фоне старого асфальта, изрытого трещинами, в которые забились сигаретные окурки, мне запомнились ее платье из какого-то голубого блестящего материала – то ли с блестками, то ли с металлической нитью, округлые бедра и выющиеся волосы на мокрой дороге.

И дыра в голове.

Задыхаясь, я вернулся в клуб.

Виноват ли я в том, что с ней случилось? Есть ли связь между мной и ее смертью?

Копы собрали нас в баре и сообщили, что мы останемся здесь на неопределенный срок. Вик тут же принялся выступать.

– Какого хрена! – взвыл он, практически уткнувшись носом в нос детектива, в глазах которой появилось выражение, говорящее о том, что все имеет предел, а Вик явно переходит границу дозволенного. – Ее застрелили даже не на нашей территории. Это полицейский произвол и надругательство над правами граждан. Понятно? – Вик никогда не замечал разницы между сохранением лица и тем, чтобы болтать глупости. – На другой стороне улицы булочная; советую вам и ее закрыть, иначе я подам на вас в суд.

– Я коп, сэр, – ответила детектив, чернокожая женщина лет тридцати с жесткими чертами лица, словно вырезанными из дерева. – Мы не закрываем булочные.

У Вика чуть не случился удар.

– Очень смешно, дамочка. Если б я хотел выслушивать всякое дерьмо от сучки, то остался бы дома.

Впрочем, у детектива имелся ответ и на это.

– Правда? Может, если б вы щелкнули каблуками своих рубиновых туфель, вы сумели бы оказать нам всем услугу и перенестись в волшебный мир, который производит плохо воспитанных задниц, вроде вас... сэр.

Это было сильно сказано, но Вик обозвал детектива сучкой, так что, похоже, она не опасалась жалобы с его стороны. Я решил, что с ней лучше не связываться.

Детектив потерпела выступления Вика еще пять минут, а затем приказала отправить его в участок и оставить там в камере на ночь.

Брэнди громко возмущалась до тех пор, пока за ее боссом не закрылась дверь, потом закурила и сказала:

– Слава богу. Еще немного, и я бы врезала ему каблуком по заднице.

Я удивился, потому что Брэнди могла использовать словечко и покрепче.

* * *

Мы просидели два часа в баре, дожидаясь экспертов, которые приехали в своих бумажных халатах из самого Гамильтона. Потом еще полтора часа, пока они исследовали место преступления в поисках улик. Я пожелал им удачи. Площадка у задней двери видела больше сделок с марихуаной и орального секса, чем район красных фонарей в Амстердаме. Могу побиться об заклад, что они насобирали образцов спермы, которая осталась там аж с пятидесятих годов.

Я наблюдал за происходящим в высокое окно, но видел только ногу Конни, и этого мне хватило, чтобы испытать жгучее желание оплакать все печали, выпавшие на мою долю в жизни. Однако я сдержался. Для усердных копов плачущий громадный мужик означает добровольное признание вины.

Два парня из команды криминалистов не слишком придерживались своих должностных инструкций. Они сняли маски и закурили, увлеченно слушая то, что доносилось из их наушников. Может, они так работали или им было искренне на все наплевать.

И все это время, пока остывал след преступника, мы сидели вокруг покерного стола; точнее, до тех пор, пока Брэнди не пришло в голову, что было бы неплохо выпить за счет нашего босса. Вик сидел в камере, Конни застрелили, и нам всем требовалось пропустить стаканчик-другой.

Довольно скоро трезвыми остались только мы с Джейсоном, который жевал стероиды, как конфеты.

– Гнусное дело, приятель, – повторил он в сотый раз.

Девушки его поддерживали, но с каждым разом солидарных с ним становилось все меньше.

Я знаю, что чувствовал Джейсон, потому что описать случившееся невозможно никакими словами. Ничто не могло заглушить это состояние. Постепенно оцепенение стало проходить, уступив место подкатывающей тошноте, и я, затосковав, подумал: «Маленьким Альфредо и Еве уже рассказали о том, что произошло? И кто теперь будет о них заботиться?»

Я снова почувствовал себя ирландским слезливым идиотом, задающим серьезные вопросы. Куда пришла моя жизнь? Что у меня есть? Я вспомнил брата Коннора и выражение его лица. Такое бывает у собак, которых находят в холщовом мешке, нагруженном цепями.

Свежие раны похожи на двери в прошлое. Кто это сказал? Очень надеюсь, что не Зеб. Мне совсем не хочется успокаивать себя его извращенной мудростью.

Большое спасибо. Я произносил множество дерьмовых премудростей. Кто сказал тебе, что не следует портить отношения с евреями? Кто тебе это сказал?

К тому моменту, когда у нас закончилась текила, копы уже были готовы нас допрашивать. Они устроились в кабинете Вика и стали вызывать нас по одному. Я оказался вторым, после Брэнди, которая вышла с таким видом, будто одержала победу.

В кабинете сидели два местных детектива, обе афроамериканки, что не выглядело таким уж необычным. Они втиснулись за стол Вика и сбросили в ящик часть его порнографических сувениров. Младшей из двоих оказалась та, что подколола Вика по поводу его чудесных тапочек. Мне очень хотелось почувствовать к ней расположение, но она сидела, сложив на груди руки, с застывшим на лице выражением, которое означало: *я не собираюсь ни с кем заводить дружбу*. Я по привычке наклонил голову, чтобы не удариться о стальную балку на потолке, хотя она на несколько дюймов выше, сел напротив детективов и показал на календарь «Пирелли».²³

²³ Ежегодный эротический фотокалендарь итальянской компании «Пирелли», производящей автомобильные шины.

– Вы, наверное, захотите и его снять?

Я вовсе не пытался умничать; для меня было очень важно, чтобы это расследование прошло как следует. «Первые сорок восемь часов», – так они говорят.

Более молодой детектив сорвала со стены календарь вместе с куском гипсокартона.

– Довольны, мистер Макэвой? – спросила она и наградила меня взглядом «плохого полицейского».

Неважное получилось начало; видимо, она решила, что я не собираюсь с ними сотрудничать.

– Я предложил вам сделать это без всякой задней мысли, – спокойно и совершенно искренне запротестовал я. – Мы с Конни дружили, и я хочу, чтобы вы поймали убийцу.

Мой ирландский акцент не произвел на копов ни малейшего впечатления; более того, в присутствии иностранца они стали только недоверчивее. Женщины выпрямили спины, переложили на столе какие-то бумаги и напрягли плечи, как будто собирались вступить со мной в схватку. Они пытались выглядеть внушительно, сидя рядышком за столом Вика, но были похожи на двух школьниц, с трудом умещавшихся за партой.

– Корнелия Делайн была вашей *подругой*, мистер Макэвой? – спросила старшая.

Корнелия? Не знаю, почему полное имя Конни вызвало у меня удивление.

– Мистер Макэвой?

Я посмотрел на старшего детектива – яркую женщину лет сорока, со слегка подрумяненными щеками и седыми прядями в коротко остриженных волосах. Красочная блузка с ямайским попугаем бросалась в глаза, контрастируя с ее серым костюмом.

– Да, детектив...

– Я детектив Горан, а это детектив Дикон.

Дикон, которая так классно отшила Вика, было около тридцати. Я невольно отметил строгий серый костюм и застывшую на ее лице маску гнева. Я знаю таких, они очень серьезно относятся к своей работе.

– Итак, детектив Горан, мы с Конни были хорошими друзьями. Одно время даже больше, чем просто друзьями.

Я не сомневался, что Брэнди им уже все рассказала.

– Значит, она с вами порвала, и вас это разозлило.

Я не стал драматически вздыхать, потому что ожидал чего-то подобного.

– Ну, нельзя сказать, что мы расстались. Мы как-то провели вместе выходные и собирались это повторить. Если вас интересует, кто был разозлен, у нас тут вчера ночью произошел настоящий скандал, который устроила компания парней из колледжа.

– Нам про это известно, – прервала меня Дикон. – Безобидные ребятишки, которые пришли развлечься. Мы хотим поговорить про вас, мистер Макэвой. Вы утверждаете, что молодая красивая девушка испытывала к вам сексуальное влечение?

Я слышал эту фразу лет пять назад, но сейчас ее почти никто не употребляет.

– Сексуальное влечение, детектив?

– Хотела с вами трахаться, так лучше?

От «развлечься» к «трахаться» за пару секунд. Выходит, мы уже опустились до этого уровня. Я рассчитывал еще на несколько минут культурного разговора, но тут уж как получится. Ничего личного, однако у меня возникло ощущение, что если б не Дикон, то это было бы возможно.

– Ладно, я понял, детектив. Я знаю, что ей... было двадцать восемь, а мне...

– Сколько? Семьдесят?

Ей не удалось вывести меня из себя.

– Мне сорок два. И поверьте, я считал, что мне очень повезло с Конни.

Дикон решила развить эту тему.

– Знаете, что я думаю? Вы были помешаны на мисс Делайн. Без ума от нее. А она от раза к разу вам отказывала. Отвратительно, верно? Вы – старик в дурацкой шапке. В конце концов вы так разозлись, что застрелили ее. Почему бы вам не подписать признание? И мы могли бы уже закрыть это дело.

Я не видел себя, но готов побиться об заклад, что моя челюсть упрямо выдвинулась вперед.

– Все не так просто, Дикон. Вам придется еще немного поработать над этим делом.

– Да ладно, Дэнни, кончай. Я устала, к тому же у вас тут поганый кофе.

– Что? Вы рассчитываете, что я не выдержу ваших наскоков и выдам признание? – Я повернулся к Горан. – Она всегда такая ленивая?

Мне следовало придержать язык, но Дикон требовалось немного поработать над своими методами. Я хотел, чтобы они раскрыли это убийство, а детектив метала копья в океан, надеясь что-нибудь поймать.

Горан прикрыла лицо папкой, и я решил, что она улыбается.

– Ну, вы же знаете молодежь, мистер Макэвой. Им нужно всё и сразу.

Неожиданно Дикон тоже улыбнулась, и я понял, что ее выступление в стиле «слон в посудной лавке» – это самый древний трюк на земле.

– У вас отлично получается изображать плохого полицейского, – сказал я ей. – Но время уходит, а я Конни не убивал.

Дикон щелчком открыла свой рабочий ноутбук.

– Правда? Про вас тут много интересного написано, мистер Дэниел Макэвой. Вы только посмотрите, в конце отмечена ваша беседа с агентом ФБР.

Я еле сдержал стон. В Интернете новости распространяются невероятно быстро. В прошлом году какой-то болван из отдела учета армейских кадров отправил по электронной почте мое личное дело в ФБР. Меня даже к суду ни разу не привлекали, но он решил иначе.

– Мне прекрасно известно, что имеется в моем личном деле, и если вы посмотрите в конец страницы, то увидите, что меня перепутали с другим человеком. Они даже извинились передо мной.

Дикон проигнорировала меня и с интересом продолжила читать документ, как будто не знала, что там написано.

– Старшина роты Дэниел Макэвой. Действительная военная служба в *Ливане*. – Она произнесла слово «Ливан» с таким восторгом, будто речь шла о Диснейленде. – Исключительно опасный индивидуум. Прошел подготовку по тактике ближнего боя. Мастерски владеет холодным оружием.

– Терпеть не могу базуки, – признался я.

К счастью, в моем личном деле ничего не говорилось про то, что я еще и снайпер. Этому я научился самостоятельно.

– Да уж, вы многим занимались на своем веку, Дэниел.

– Но я не убийца.

– Значит, *не* убийца, – фыркнула она, имитируя мой акцент. – Это вы так говорите. А вы вообще кто такой, Дэниел? Албанец?

– Я ирландец и американец. Моя мать жила на Манхэттене. Информация у вас на экране.

Она взглянула на экран.

– Ваша мама переехала в Ирландию из Нью-Йорка? Вам не кажется, что это довольно глупый поступок?

Когда она заговорила про мою мать, у меня возникло ощущение, будто мы с ней оказались в школьном дворе. Но я понимал, что это такая тактика, при помощи которой можно

вывести из себя не слишком уравновешенного человека. Я неохотно признал, что детектив Дикон отлично умеет ворошить дерьмо.

– Думаю, вы хотели сказать, странный.

Разговаривая с Дикон, я наблюдал за Горан. Старший офицер внимательно слушала, позволив ей вести свою линию. Видимо, они так работали. Мать и сорвиголова-дочь. Я прекрасно понимал, как это могло действовать на того, кто виновен в преступлении. И я вовсе не строю из себя невинную овечку, просто я не убивал Конни.

Больше всего на свете мне хотелось прекратить заниматься ерундой, играть в дурацкие игры и поговорить с детективами серьезно.

– Послушайте, – сказал я, подняв руки ладонями вверх, что означало «поверьте мне». – Мне нравилась Конни, может быть, я даже немножко ее любил. Давайте пропустим болтание из стороны в сторону и посмотрим, смогу ли я действительно вам помочь? Вы же понимаете, что я не ваш человек. Когда-то я был профессионалом. Неужели вы всерьез думаете, что я мог застрелить Конни и оставить ее в десяти ярдах от того места, где я сижу и пью кофе? Это же глупо.

Горан медленно кивнула, признавая мою правоту.

Дикон тоже мне поверила, но продолжала играть свою роль, на случай, если я притворюсь лучше, чем она.

– Откуда нам знать, что творится у вас в голове, Дэниел? Может, вам показалось мало убийств в армии. Возможно, вы *хотите*, чтобы мы вас поймали?

Склонив голову набок, я смотрел на Горан.

– Хорошо, я понимаю, что вы делаете. У вас ничего нет, поэтому вы трясете дерево.

Дикон закрыла ноутбук.

– Трясем дерево? Это можно расценивать как расистское заявление, мистер Макэвой? Я постарался не обращать внимания на ее нападки.

– Спросите меня о чем-нибудь действительно важном, – сказал я детективу Горан. – Время уходит. Вполне возможно, что настоящий убийца уже находится по другую сторону моста Джорджа Вашингтона.

Она еще не была готова поделиться со мной своими мыслями и прикрыла папку рукой.

– Это похоже на случайное преступление, мистер Макэвой. Он оказался в нужном месте, а она – нет. Какой-то наркоман решил ограбить ее и отнять сумочку.

Довольно слабая теория. В Ирландии мы сказали бы, что она похлопала меня по попке и закрыла за мной дверь.

– Вы в Клойстерсе, детектив. У нас тут наркоманов не слишком много. Наше заведение – самое непотребное в городе, но я даже иглы не видел вот уже пару лет. К тому же, много вы видели наркоманов, которые могут выстрелить и попасть точно в середину лба?

Горан мгновенно вскинула голову.

– Вы видели рану, мистер Макэвой? Когда?

«Да уж, промашечка вышла, – подумал я. – Может быть, пора начать говорить медленнее».

– Я посчитал, что обязан посмотреть, что произошло. А еще хотел убедиться, что там Конни.

– Что-нибудь трогали?

– Ничего.

Горан долго смотрела на меня, пытаюсь определить по глазам, вру я или нет, но ничего такого не заметила или же заметила и решила подождать, пока я выдам себя сам.

– Пойдите погуляйте, только не уходите далеко. Я вам позвоню.

У меня буквально опустились руки.

– И вы не спросите меня о чем-нибудь полезном?

– А вы знаете что-то полезное?

Не говоря больше ни слова, я вышел из кабинета.

Глава 5

Я ходил на сеансы к Саймону Мориарти целых полгода, пока наконец не пришли бумаги о моем увольнении со службы по состоянию здоровья после второй командировки. Дважды в неделю я садился в автобус, отправлявшийся в Долки,²⁴ где у доктора была практика, и размахивал у него под носом чашкой кофе, пока он не скатывался с кровати.

– Ладно тебе, сержант, – сказал он мне как-то раз с ухмылкой, означавшей, что ему известно про наш мир гораздо больше, чем мне. – Давай усложни мне задачу. Все это совсем просто, прямо как в учебнике.

Я лежал на темно-красном кожаном диване, чувствуя себя примерно как кот в собачьей будке. Обычно место на диване занимал Саймон, но это был мой последний визит, и он решил меня повоспитывать.

– Значит, я для вас открытая книга, так?

– Оконное стекло, сержант. Абсолютно прозрачное.

– Тогда откройте мне тайну, док. В чем моя проблема?

Саймон закурил сигару.

– У ирландцев и евреев дело обычно в матери; причина твоих проблем – дорогой папочка.

Я резко сел и серьезно на него посмотрел.

– Вы хотите сказать, что наличие жестокого отца ведет к проблемам в будущем? Да вы гений.

– Великолепно, сержант. Ты прячешься за юмором. Хорошая тактика. И как, помогает? Саймон бывал настоящей занозой в заднице, но, как правило, попадал прямо в точку.

Я снова лег.

– Не очень. Послушайте, док, у всех есть проблемы, просто нужно учиться с ними жить и стараться сохранять спокойствие.

Мориарти стряхнул пепел с футболки с группой «Рэмоунз».²⁵

– Мы с тобой как раз и пытаемся в этом убедиться, Дэниел. Ты можешь сохранять спокойствие? Мы не имеем права выпустить в большой город прошедшего соответствующую подготовку убийцу, если он не в состоянии держать свои таланты при себе.

– Об этом не беспокойтесь. С меня вполне хватило кровопролития.

– Какие у тебя планы?

– Я свободен во вторник и знаю отличный бар.

Мориарти снова стряхнул пепел.

– Я имел в виду планы на жизнь, умник. С твоими склонностями тебе следует соблюдать осторожность и не ввязываться в сомнительные ситуации.

– Склонностями? Звучит так, будто я извращенец.

– Моя теория заключается в следующем, Дэниел: жестокий отец бил твою мать, тебя и твоего маленького брата, а потом прикончил всю семью, кроме тебя, когда сел за руль в пьяном виде. И теперь ты считаешь, что должен помогать беззащитным. Именно по этой причине ты записался в армию. Не убивать, а защищать. Проблема состоит в том, что у тебя сложности с теми, кто занимает положение выше твоего, то есть играет своего рода роль отца, поэтому ты решил, что должен пойти в армию, но при этом не мог сдержаться и устроил драку со своим командиром. Понимаешь, в чем конфликт?

Я почувствовал, что должен как-то защититься от его нападков.

²⁴ Пригород Дублина.

²⁵ Американская рок-группа, основанная в 1974 г.; одни из самых первых исполнителей панк-рока.

– Мой командир оставил троих наших парней на участке между израильской армией и ополчением и отказался отдать приказ об огневом прикрытии. Есть такие уроды, которых просто необходимо хорошенько отделать.

Саймон сделал вид, что он что-то записывает.

– Для подобных вещей существуют определенные правила, Дэн.

– Я знаю. Два выстрела, бла-бла-бла.

– Итак, ты нарушил правила и *снова* открыл огонь по своему усмотрению из двадцатого калибра, решив проигнорировать субординацию и самостоятельно организовать прикрытие своим товарищам.

– Двадцатого? Ничего подобного, это не военное оружие.

– Не придирайся, я в этом не разбираюсь. Итак, ты нарушил правила, и в ваше убежище влетела часть минометного снаряда?

– Это была цельная мина.

– В каком смысле цельная, специально для убежищ? – нахмурился Саймон.

– Мины другими и не бывают.

– Ладно, неважно. Я хочу донести до тебя вот какую мысль: ты почувствовал, что обязан защитить ваших парней.

– Обязан защитить. Да, я понял. Где же вы были, когда я записывался в армию?

– Кроме того, ты игроман.

«Вот это уже что-то новенькое», – подумал я.

– Игроман? Да ладно! Кто вам такое сказал? Я действительно люблю сыграть партию в покер, но не больше других. Так что тут никакой проблемы нет.

– Тебе так хочется думать, – заявил Саймон. – Я уже устал от нашего сеанса. К тому же я и сам люблю покер.

– Не думаю, что с вами проходит блеф.

Саймон с шумом захлопнул блокнот.

– Подведем итог: я считаю, что для тебя самое лучшее – это увольнение по состоянию здоровья.

– По состоянию здоровья? Звучит омерзительно.

– Найди себе хорошую работу, на которой не бывает конфликтных ситуаций, – продолжал Мориарти, проигнорировав мою попытку спрятаться за юмором. – Такую, где тебе не нужно будет никого защищать.

Я не смог сдержаться.

– Вы хотели сказать, *оберегать*?

Саймон сухо рассмеялся.

– Очень хорошо. Ироничные шутки – это ближайший путь к душевному здоровью. А если серьезно, Дэн, найди работу, на которой у тебя не будет возникать стрессовых ситуаций. Никаких карт, боссов и людей, чье благополучие будет зависеть от тебя.

И вот я работаю вышибалой в казино. Но моей вины тут нет. Душа требует.

* * *

Вечером в городе кипела жизнь, но я чувствовал, что не имею к ней никакого отношения, словно смотрю на происходящее сквозь грязное окно. Мир, который я как-то удерживал воедино со всеми его разочарованиями и надеждами, в конце концов начал разваливаться на части. Копы вышвырнули нас на улицу, будто мы вторглись в чужие владения, и сказали, чтобы мы проваливали. Значит, не будет расшатанной рулетки и бикини в горошек.

Конни мертва, Зеб пропал. А я ключом убил человека.

Я понимал, что на самом деле ключ – всего лишь деталь, не имеющая значения, но видел во всем случившемся своего рода иронию.

Вместо того чтобы запереть дверь, я открыл ту, что вела Баррета в иной мир.

Мне пришлось.

Ключа к жизни нет, есть ключ к смерти.

Так лучше, но в ближайшее время я вряд ли буду писать стихи.

Я чувствовал себя паршиво, к горлу подкатывала тошнота с привкусом текилы. Я остановился, и меня вырвало в водосток, а когда я выпрямился, держась рукой за трубу, на обертку от жевательной резинки упал свет фонаря, и я кое-что вспомнил.

Вращающийся, точно палочка капитана команды болельщиков, стилет Мейси Баррета втыкается в потолок.

Стилет. Он остался в комнате.

Дерьмо.

Дерьмо собачье.

Что я мог сделать? Что *мне следовало* сделать?

Я медленно, как древний старик, выпрямился и принялся ругать себя вслух.

– Ладно, Дэниел. Подумай спокойно.

Уже в третьем лице? Господи, дело действительно дрянь.

К сожалению, моя спокойная думалка дала сбой. Я попытался отбросить в сторону волны горя и пары текилы, но в мозгу у меня был туман и какое-то жужжание.

Все должно быть хорошо.

Что из того, что стилет вонзился в потолок? Он никого на меня не выведет, если только в рукояти нет камеры наблюдения.

Но с моим везением...

Я фыркнул и в последний раз сплюнул, чтобы вернуть на место свое мужское эго после этих ироничных мыслей.

Подумай хорошенько.

Возвращаться в кабинет Зеба было большой ошибкой. Ирландец Майк, возможно, поставил кого-нибудь наблюдать за домом, и мое появление привлекло бы ко мне его внимание.

А как насчет Зеба?

Мне ужасно хотелось думать о чем-нибудь позитивном, и я даже прикончил бы кого-нибудь ради ясного и четкого ответа, но в моих мыслях царили туман и печаль, и больше ничего.

Конни, милая.

Зеб мертв.

Позвони ему и узнай наверняка. Отличная мысль.

Я заблокировал имя владельца телефона Баррета и набрал номер Зеба.

Через несколько гудков мне ответил мужской голос:

– Да?

Не Зеб. Мне хватило односложного слова, чтобы понять это. У Зеба гнусавый голос астматика.

– Доктор Кронски? – спросил я, как будто хотел записаться на консультацию.

– Кто говорит? – спросил меня незнакомый мужчина.

– Ты говоришь, – ответил я и отключил телефон.

Возможно, мне следовало придумать какую-нибудь медицинскую причину и сказать, что я позвоню позже, но я решил не тратить силы на ерунду.

Значит, они и на его звонки отвечают. Получается, что они не нашли то, что искал Мейси Баррет, иначе телефон Зеба лежал бы на дне вместе с его телом.

Мне не следовало звонить, и я вполне мог обойтись без этой информации, потому что она заставляла меня сделать выбор.

* * *

К тому времени, когда я добрался домой, рассвет уже начал раскрашивать кромки облаков. Я чувствовал себя паршиво, а выглядел наверняка как дерьмо недельной давности. Меньше всего мне хотелось, чтобы моя соседка сверху, миссис Делано, начала выкрикивать свои обвинения, не говоря уже о том, что Майк Мэдден уже вполне мог меня вычислить.

Поэтому я вспомнил о том, чему меня учили в армии, и начал осторожно пробираться к своей квартире. Если б на втором этаже засел отряд террористов, готовых мгновенно начать действовать, они бы не услышали, как сержант Дэниел Макэвой продвигался по коридору к собственной двери.

Я увидел, что она распахнута, а сломанный замок с тремя язычками стыдливо лежит на полу.

Я забыл про правила проведения операций под прицелом радаров, когда обнаружил, что по моей квартире прошелся настоящий ураган.

– Господи, твоя воля! – вскричал я, пробираясь между обломками своей прежней жизни.

Я проделывал это в метафорическом смысле с Саймоном; теперь же все происходило в реальности. Но больно было так же, и с каждым новым шагом лучше не становилось.

Мою квартиру перевернули вверх дном. Уничтожили. Мне доводилось видеть результаты бомбежки, которые были не такими разрушительными. Обои сорвали со стен, диван распороли, все электрические приборы разломали. Холодильник, похожий на умирающего робота, лежал на боку, и из него вытекал майонез. Разобранный адаптер валялся на столе, и, глядя на него, я вспомнил курс механики, который как-то проходил. На полу валялись фотографии. И среди них – изрезанная на мелкие куски репродукция картины Джека Йейтса²⁶ «Запад Ирландии», которую я привез в тубусе из Дублина.

Я ходил по квартире, размахивая руками и отпихивая с дороги разные обломки, и пытался понять, с чего следует начать и как все это привести в порядок.

И тут заголосила миссис Делано. Я не сомневался, что она ждала, когда я вернусь домой. Наверное, не спала всю ночь, накачиваясь кофеином. Да, звучит невероятно, но, если ты живешь под сумасшедшей, безумие неминуемо просачивается вниз.

– Иисусе, боже мой, – вопила она, и ее голос проникал в мою квартиру сквозь отверстие около люстры. – Боже траханный, Иисусе!

Но у меня в тот момент было совершенно неподходящее настроение, чтобы ее выслушивать. Я уже знал, что лучше всего не попадаться на ее крючок и никак не реагировать на крики, потому как в противном случае она будет считать, что одержала победу, и не замолкнет все утро, а моя квартира так и останется в беспорядке.

– Эй, ты там внизу, ирландец! Ты бы получше следил за своими друзьями макаками!

Друзья макаки? Да пошла она! Зеб, Баррет и милая Конни... Я понял, что должен открыть крышку и выпустить пар. Откинув назад голову, я зарычал, как Тарзан:

– А ну, заткни свою проклятую пасть, безумная крыса!

Недолго думая, она тут же ответила:

– Проклятья не распространяются на безумных крыс.

²⁶ Джек Батлер Йейтс (1871–1957) – ирландский художник, считающийся крупнейшим ирландским живописцем XX в. Младший брат выдающегося ирландского и английского поэта Уильяма Йейтса.

– Заткнись, – завопил я, чувствуя, как напряглись все мои сухожилия. – Или, клянусь богом, я поднимусь и сверну тебе шею!

– У моих пенатов нет бога.

Наша перепалка привела меня в ярость, а теперь, когда Делано подцепила меня на свой крючок, она могла продолжать в том же духе несколько часов подряд.

– Чтоб ты сдохла, психопатка! Ну, давай, тебе давно пора на тот свет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.